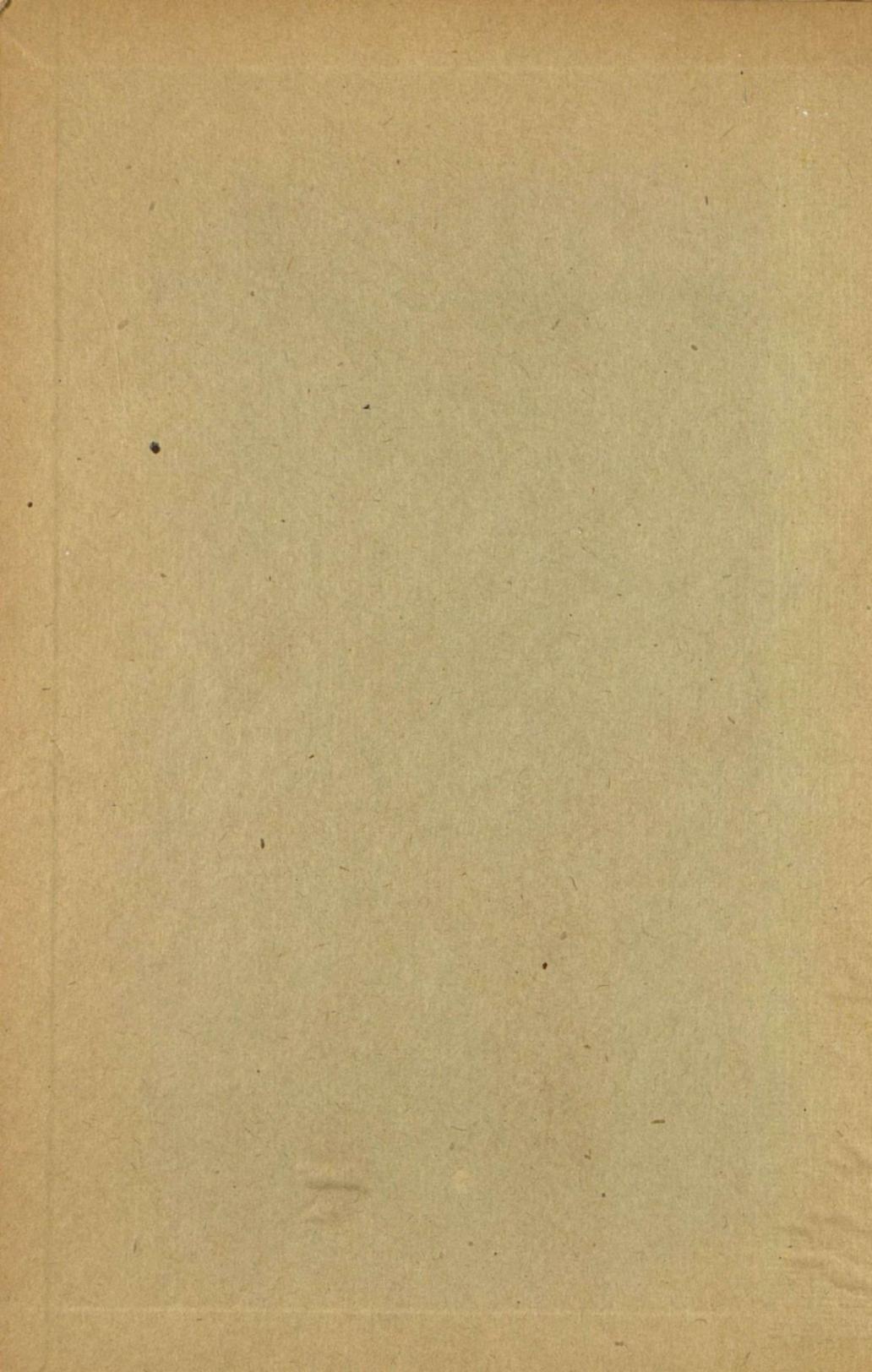

Э. ПИМЕНОВА

ГЕРОИ ЮЖНОГО ПОЛЮСА

919.
П.32. ✓

19 «КНИГА» 28

п-325

ГЕРОИ ЮЖНОГО ПОЛЮСА

(ЛЕЙТЕНАНТ ШЕКЛЬТОН и КАПИТАН СКОТТ)

В изложении Э. К. ПИМеновой

С 28 иллюстрациями

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

Издательство „КНИГА“
ЛЕНИНГРАД — 1927 — МОСКВА

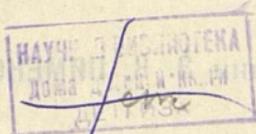
919

п-325

Каталог

ЛЕТОН ЮЖНОГО ПОЛЮСА

1957-58 г.

14-я типография
МОСПОЛИГРАФ.

МОСКВА,

Варгунихина гора, 8.

Главлит № 87035.

Тираж 5000 экз.

673224 Кх-рег

Российская государственная
детская библиотека

1 1957-58 г.

2 1925 55 В. Лес

ГЛАВА I.

Снаряжение экспедиции Шекльтона.—Отплытие из Литтльтона.—Полярный путешественник в летнем костюме.—Запоздавший профессор и непредвиденное препятствие.—Плавание „Нимрода.“—„Великая ледяная стена“ или преграда.—Выбор места для зимней квартиры.—Неожиданный пассажир.—Устройство полярного жилища.

Экспедиция лейтенанта Шекльтона отплыла из Англии на корабле „Нимрод“ в августе 1907 г. Шекльтон намеревался отправиться к южному полюсу из города Литтльтона в Новой Зеландии, где и были сделаны последние приготовления к этому долгому, опасному и трудному путешествию. Нужна была самая мелочная заботливость и предусмотрительность, так как малейшее упущение и забывчивость могли повлечь за собой весьма серьезные последствия. Достаточно опытный в этом отношении Шекльтон снабдил свою экспедицию всем необходимым для такого рода путешествий и даже сделал одно важное нововведение: он взял с собой двенадцать манчжурских пони (лошадок), привыкших к очень суровому климату и чрезвычайно выносливых, а кроме того автомобиль, специально приспособленный для езды по неровной ледяной поверхности и при очень низкой температуре.

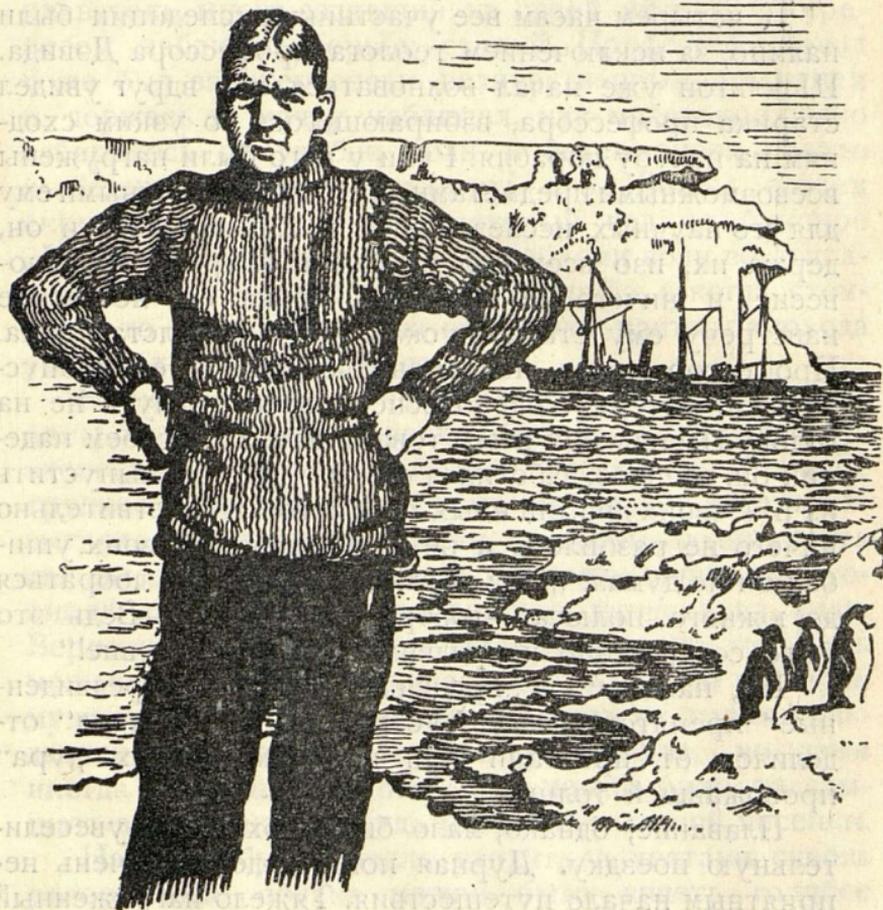
1 января 1908 года, т. е. в день нового года, путешественники надолго распростились с цивилизованным миром, и „Нимрод“ вышел из гавани Литтльтона. Небольшое судно, построенное лет сорок назад для ловли тюленей, было еще очень крепким и прочным и могло смело бороться с южно-

полярными льдами. Для сбережения топлива „Нимрод“ должен был идти на буксире парохода „Коония“ до южно-полярного круга. „Нимрод“ был тяжело нагружен, и на палубе его невозможно было двигаться, тем не менее, провожающих собралась масса, и пристань Литтльтона была буквально запружена народом. Шекльтону пришлось выслушать немало замечаний по поводу того, что погода плохая, а судно слишком перегружено, но он доверял крепости своего „Нимрода“ и смело пошел навстречу антарктическим бурям.

В узком пространстве между ящиками, тюками, научными инструментами и багажом членов экспедиции шла оживленная беседа между посетителями и готовящимися к отплытию путешественниками. Среди них находился некто Георг Беклей, который так воодушевился этим разговором, что, подойдя к Шекльтону, выразил ему желание сопровождать экспедицию до полярного круга, чтобы затем вернуться на пароходе „Коония“. Он очень сожалел, что его занятия не позволяли ему отлучиться на более долгое время и он не мог отправиться дальше с экспедицией, как отправлялись некоторые другие добровольные участники, пожелавшие помочь Шекльтону устроить зимнюю стоянку, откуда они могли вернуться на корабле, так как „Нимрод“, выгрузив все, что нужно путешественникам, должен был снова отплыть в Новую Зеландию.

Шекльтон, очень расположенный к Беклею, оказывавшему услуги экспедиции, выразил свое удовольствие по поводу его желания. „Но ведь остается только два часа времени,— заметил он ему.— Успеете ли вы?“

Беклей только кивнул головой и опрометью сбегал с судна. Действительно, в этот короткий промежуток времени он успел вскочить в поезд, идущий в Кристгерч, сбегать в клуб, передать там одному из своих приятелей необходимые поручения и пол-

Шекльтон.

номочия и, засунув несколько штук белья и зубную щеточку в свой саквояж, он прибыл на набережную за несколько минут до отплытия „Нимрода“. Проложив себе с большими усилиями дорогу в толпе, наполнявшей пристань, он, наконец, очутился на палубе „Нимрода“, запыхавшись от быстрого бега и в светлом летнем костюме, так как переодеться не успел, готовый отправиться навстречу южно-полярным льдам, точно это была простая увеселительная прогулка!

К четырем часам все участники экспедиции были налицо, за исключением геолога, профессора Дэвида. Шекльтон уже начал волноваться, как вдруг увидел старика профессора, взбирающегося по узким сходням на палубу корабля. Руки у него были нагружены всевозможными предметами, аппаратами, нужными ему для его научных исследований, и т. п. вещами, и он, держа их, изо всех сил старался сохранить равновесие и ничего не уронить. Но на его несчастье навстречу ему стала спускаться очень толстая дама. Профессор хотел посторониться, чтобы ее пропустить и, потеряв равновесие, свалился чуть не на голову Шекльтону и его товарищам. При своем падении он, главное, заботился о том, чтобы не выпустить из рук своих драгоценных предметов, и действительно ничего не разбилось и не сломалось, а о своих ошибках он не думал. „Она могла помешать мне добраться до южного полюса,— говорил он потом.— Ведь это было совершенно непредвиденное препятствие!“

Но, наконец, и „предвиденные“ и „непредвиденные“ препятствия были устранены, и „Нимрод“ отделился от пристани при громких криках „ура“ провожавшей толпы.

Плавание, однако, мало было похоже на увеселительную поездку. Дурная погода сделала очень неприятным начало путешествия. Тяжело нагруженный „Нимрод“ подвигался очень медленно, черпал бортами, так что приходилось, не переставая, откачивать воду. Многие тотчас же заболели морской болезнью

и лежали неподвижно где-нибудь в уголку, на палубе, между ящиками. Волны перекатывались через палубу, и надо было усиленно наблюдать за тем, чтобы они не снесли чего-нибудь в море. Все промокли насквозь и так и не высыхали в течение двух недель. Беклей, отправившийся в полярные страны точно в увеселительную поездку, однако, ни разу не высказал ни малейшего сожаления, что решил на это. Он не сходил с палубы и, как отважный мореплаватель, много ездивший на своей яхте, с интересом наблюдал борьбу стихий. Профессор Дэвид тоже был заинтересован величественным зрелищем и, держась за мачту, наблюдал, как маленькое судно взбиралось на гребни волн и затем снова падало в бездну, готовую поглотить его. Волны совсем скрыли от глаз пароход, который вел на буксире „Нимрод“. Над пенящимися гребнями волн возвышались только верхушка мачты да труба, а когда стемнело, то лишь огонек на верхушке мачты парохода указывал, где он находится.

Несмотря на все неприятности этого плаванья, настроение команды и всех добровольных участников экспедиции было очень бодрое. Все знали, что самое трудное еще впереди. В ночь на седьмое января разыгрался настоящий ураган, и волны поднимались так высоко, что даже огонек на мачте парохода „Корония“ по временам совершенно исчезал из виду. Вероятно, у многих мелькала мысль, что это, быть может, „последнее путешествие“, но никто не терял мужества, и в эти трудные минуты не только раздавались временами шутки и остроты, но даже иногда сквозь шум и рев бури можно было слышать звуки какой-нибудь веселой шутиливой песенки.

Наконец, буря начала утихать, и местами сквозь разорванные облака можно было видеть голубое небо. Даже выглянуло солнце; оно обогрело и обсушило бедных путников. К счастью „Нимрод“ не получил никаких серьезных повреждений во время

бури и мог спокойно продолжать свое плавание. Но с пароходом уже пришлось расстаться, так как вдали показался пловучий лед и нельзя было больше идти на буксире. Дальше „Нимроду“ пришлось подвигаться уже без посторонней помощи.

Беклей, возвращавшийся назад на пароходе „Коония“, взял с собой почту с „Нимрода“ и, распрощавшись с своими товарищами, ловко спрыгнул в лодку, когда судно накренилось. Он был все в том же изящном городском костюме, который был на нем, когда он провожал „Нимрод“, только теперь этот костюм пришел в очень плачевное состояние после десятидневного смачивания морскою водою.

Медлить было нельзя, так как волнение опять стало усиливаться, и даже пришлось вылить масло на волны для того, чтобы лодка могла благополучно добраться до парохода, „Нимрод“ обменялся последним салютом с „Коонией“ и поплыл дальше на юг. Пробираясь между пловучим льдом и ледяными горами, „Нимрод“ достиг свободного от льда водного пространства, названного по имени одного из первых южно-полярных путешественников „морем Росса“ (см. карту путешествия Шекльтона).

Эту область нельзя было назвать совершенно пустынной, так как птиц было множество. Буревестники в большом количестве летали вокруг корабля и так близко спускались к нему, что даже касались своими крыльями бортов судна. На пловучих льдинах и айсбергах (ледяные горы) виднелись тюлени и пингвины, которые стали попадаться все чаще и чаще. Пингвины видимо были поражены появлением судна и с большим любопытством разглядывали его. Они несколько не были испуганы и преуморительно вытягивали шею, хлопали крыльями и издавали какой-то короткий звук, которому очень искусно подражал один из участников экспедиции Марстон, всегда отвечавший пингвинам на их приветствие.

Скоро должна была появиться „Великая ледяная стена“, и поэтому все на „Нимвроде“ с напряженным вниманием смотрели вдаль. Термометр начал падать и показывал уже 12⁰ мороза, когда, наконец, на горизонте появилась длинная белая прямая линия. Это и была ледяная преграда. Когда „Нимрод“ подошел к ней на расстояние четверти мили, то у всех, впервые увидевших эту колоссальную ледяную стену, невольно вырвался крик изумления и восторга. На некотором расстоянии эта преграда имела вид совершенно гладкой ледяной стены. Но вблизи в ней можно было заметить отверстия и даже настолько большие пещеры, что „Нимрод“ мог бы укрыться в них со всем своим грузом, мачтой и трубой. Местами лед был совершенно прозрачный и темно-голубой, точно отполированный. „Нимрод“ плыл вдоль этой стены, так, что все, находившиеся на судне, имели возможность рассмотреть ее строение. Шекльтон при этом сделал очень интересное открытие. Эта „Великая ледяная стена“, по его словам, не что иное, как огромный ледник, плавающий на поверхности моря. С того времени, как здесь плавал Росс, до путешествия Скотта, т.-е. за шестьдесят лет,— этот ледник отодвинулся на 50 километров к югу, но теперь нельзя было даже найти и следов той бухты, куда доходил Скотт на своем корабле и откуда он поднимался на воздушном шаре, прикрепленном к канату. Очевидно, ледник после того еще уменьшился, т.-е. отступил назад.

Сплошной пловучий лед, встретившийся дальше на пути „Нимрода“, заставил его повернуть назад и поискать другой дороги. На одном из айсбергов, мимо которых проплыл „Нимрод“, приютились сотни всевозможных антарктических птиц, нисколько не испугавшихся приближения судна. Обилие пловучего льда вынудило Шекльтона отказаться от своего первоначального плана достигнуть земли короля Эдуарда и там устроить стоянку. Пришлось поискать другой зимней квартиры, так как необходимо было скорее

выгрузить припасы и отпустить „Нимрод“, который должен был вернуться на следующее лето к месту стоянки экспедиции.

Наконец, вдали показались очертания двух полярных вулканов, „Эребуса“ и „Террора“ и даже можно было заметить дымок, который струился из вершины „Эребуса“. Термометр между тем снова упал на 190 ниже нуля по Реомюру. И это в самой середине лета.

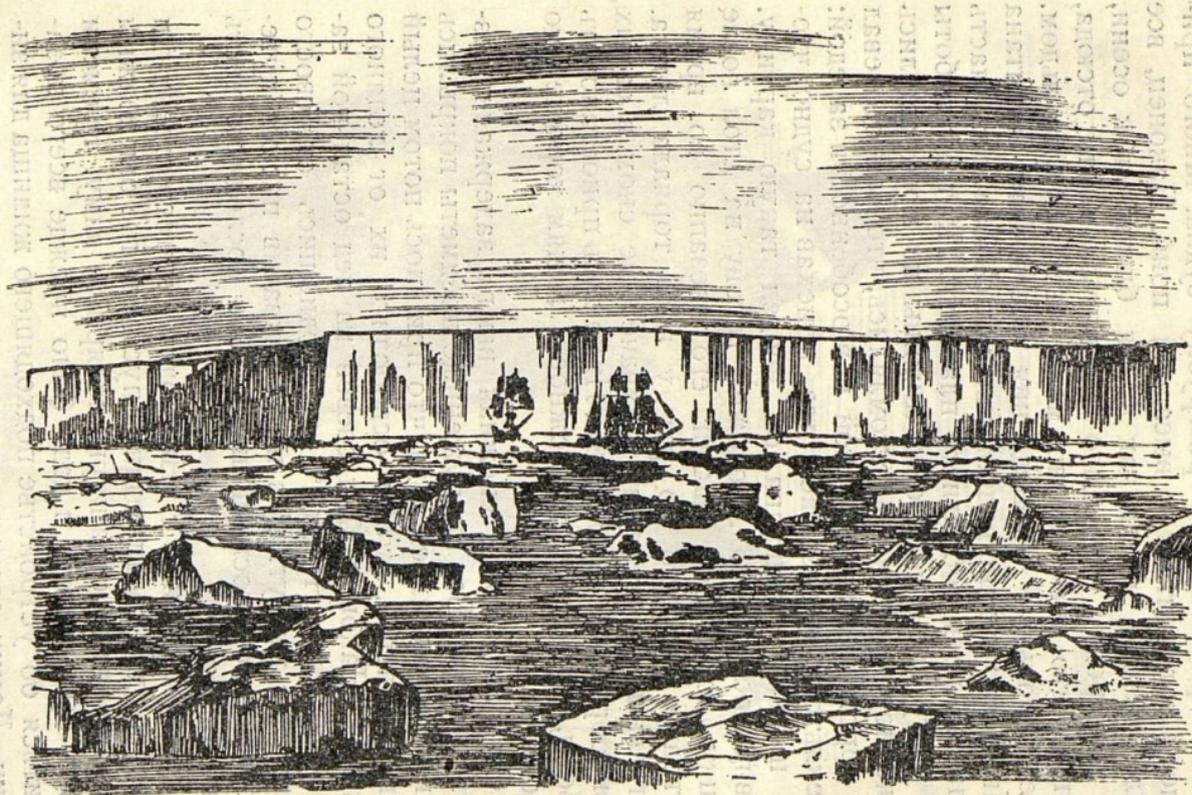
Место, выбранное Шекльтоном для стоянки, находилось в двадцати милях расстояния от того пункта, где зимовала экспедиция „ДисCOVERи“, и поэтому несколько человек отправились туда. С большим трудом достигли они этого места, но хижину нашли в хорошем состоянии. Они забрались в нее через окно, и так как были очень утомлены, пробыв девять часов на ногах, то немедленно залезли в свои спальные мешки и заснули крепчайшим сном.

В хижине они нашли разные остатки съестных припасов, между прочим, чай и керосин. Все это прекрасно сохранилось, несмотря на пятилетний промежуток времени, и, проснувшись, они с удовольствием напились чаю и подкрепили свои силы.

Крест, поставленный в память погибшего во время снежной бури участника экспедиции Винса, также сохранился в неприкосновенности, напоминая об этом печальном событии. Осмотрев все, путешественники пустились в обратный путь, но прибыли на „Нимрод“ с большим опозданием.

Между тем Шекльтон уже выбрал место для стоянки вблизи мыса Родс, и надо было поскорее приниматься за выгрузку „Нимрода“. Когда Шекльтон подезжал в лодке к берегу, отыскивая место, где бы лучше пристать, то один из пингвинов прямо спрыгнул к ним в лодку. Трудно сказать при этом, кто был больше изумлен, пингвин ли, вероятно, думавший, что он вскочил на скалу, или люди, находившиеся в лодке и не ожидавшие такого пассажира!

Кольца оледенения лежат от льда, записаны и в
 южной. Южная сторона из северных южных южных.

«Великая ледяная стена».

Крупнейшая ледяная стена, которую видели в
 Арктике, была в 1859 году, когда экспедиция
 Ф. В. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева
 достигла берегов Антарктиды. Стена
 простиралась на 10 миль и была
 высотой до 100 футов. Она была
 покрыта льдом, который
 был настолько толстым,
 что даже самые сильные
 ветры не могли
 его сдвинуть.

Как только было найдено подходящее место для постройки хижины, то немедленно все члены экспедиции принялись за разгрузку судна. Много пришлось потрудиться с высадкой пони. Наконец, все было свезено, и так как время близилось к осени, то „Нимроду“ надо было торопиться выйти отсюда, потому что иначе судно могло быть затерто льдом. Все невольные промедления заставляли капитана „Нимрода“ сильно волноваться: он опасался за участь судна во время обратного плавания. Поэтому работы по разгрузке и постройке хижины не прекращались даже ночью. Люди так утомлялись, что сон одолевал их порою даже за работой и в особенности за едой: Шекльтон рассказывает, что, приехав на судно, чтобы повидать капитана, он увидел такую картину. Дэвид крепко спал, положив голову на стол возле чашки кофе. Сон настиг его внезапно во время завтрака, так что во рту у него торчала ложка. Остальные тоже спали, захваченные сном в самых разнообразных положениях. Пришлось приостановить работы, чтобы дать возможность людям хорошенько отдохнуть.

Сильная буря и снежная вьюга задержали разгрузку судна. Все выгруженные предметы покрылись таким толстым слоем льда, что пришлось потом целый день трудиться, чтобы освободить их от ледяного покрова. Наконец, был свезен на лед остальной запас угля, и „Нимрод“, освободившись от своего груза, мог двинуться в путь, захватив письма путешественников, посылавших о себе последнюю весть своим близким.

Распростившись с „Нимродом“, путешественники остались одни среди ледяной пустыни, где они должны были пережить страшную полярную зиму. Времени терять было нельзя и надо было прежде всего позаботиться об устройстве подходящего жилища для зимовки. Домик состоял из семи маленьких комнаток. Комнаты отделялись друг от друга занавесками и в

каждой поменялось по два пелювика. Восьмью кро-
шечную, каморку занимал Шекстон.

В обстановке и убранстве этих маленьких каю-
ток ощущался вкус их обитателей. Каждый стараясь

экспонировать свои вещи и предметы. Устроены они

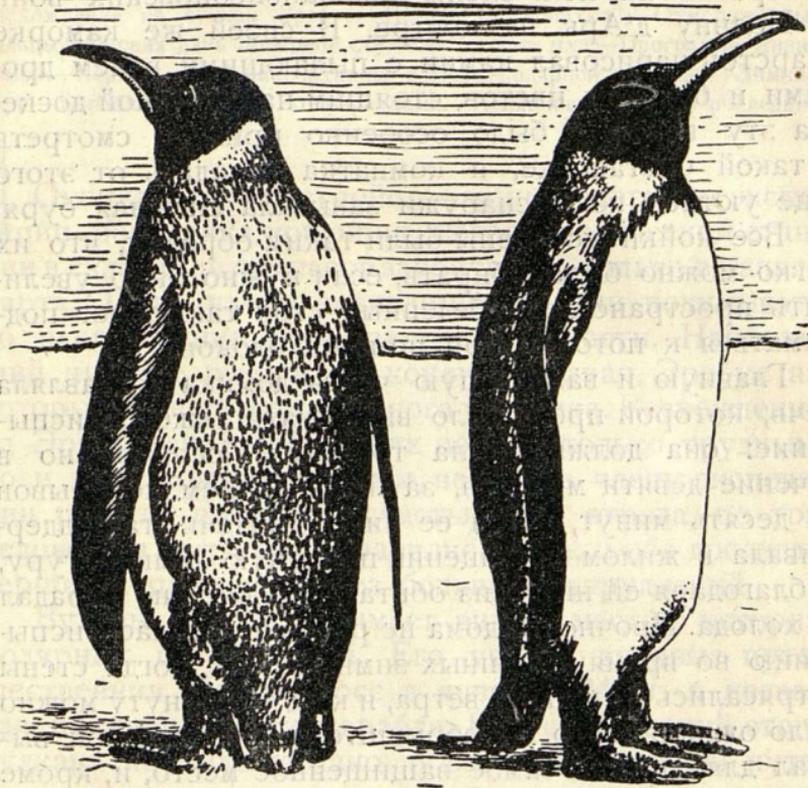
наподобие маленьких комнат. В каждой из них

лежал и спал человек. На стенах висели

карты, фотографии, письма. В каждой каюте

было свое место. В каюте Шекстона

лежал человек. В каюте Шекстона

Пингвины.

Российская Империя
Департамент Морского Флота

каждой помещалось по два человека. Восьмую крошечную, каморку занимал Шекльтон.

В обстановке и убранстве этих маленьких каморок сказывался вкус их обитателей. Каждый старался как можно лучше и удобнее устроить свое временное жилище. На полочках лежали разные вещи и книги, по которым можно было судить о вкусах обитателей этой комнатки и их занятиях. Художник экспедиции Марстон разрисовал парусиновую стену, изобразив на ней сцены из наполеоновских войн и Иоанну д'Арк на костре. В своей же каморке Марстон нарисовал камин с пылающими в нем дровами и букетом цветов, стоящим на каминной доске. На эту картину было особенно приятно смотреть в такой обстановке, и комнатка казалась от этого еще уютнее, когда снаружи завывала снежная буря.

Все койки устроены были таким образом, что их легко можно было убирать, если нужно было увеличить пространство. Обеденный стол также мог подниматься к потолку при помощи блоков.

Главную и важнейшую часть домика составляла печь, которой предстояло выдержать тяжелое испытание: она должна была топиться непрерывно в течение девяти месяцев, за исключением перерывов на десять минут, когда ее чистили. Печь эта поддерживала в жилом помещении приятную температуру, и благодаря ей никто из обитателей дома не страдал от холода. Прочность дома не раз подвергалась испытанию во время страшных зимних бурь, когда стены сотрясались от напора ветра, и каждую минуту можно было ожидать, что он обрушится. Но Шекльтон выбрал для хижины самое защищенное место, и, кроме того, она была хорошо укреплена проволочными канатами, так что могла противостоять буре. Сидя в уютном, теплом помещении и прислушиваясь к завыванию ветра, Шекльтон и его товарищи всегда испытывали особенно приятное чувство, сознавая себя в безопасности среди ледяной пустыни.

643427

ГЛАВА II.

Восхождение на вулкан Эребус.—Погоня за перчаткой.—Отмороженные пальцы.—Первая дань полярной стуже.—Находка мха.—Программа жизни зимой.—Первая книга, напечатанная в южно-полярной пустыне.—Зимние бури.—Борьба ученого с коловратками.—Полярное сияние и последний закат.

Окончательное устройство зимней квартиры экспедиции, постройка конюшни, метеорологической станции и склада для припасов закончились только в начале марта. Тогда члены экспедиции начали подумывать об исследовании окружающей местности. Наибольший интерес возбуждал, конечно, вулкан, Эребус на который еще не вступала нога человека. Восхождение на Эребус считалось до сих пор не только трудным, но и невозможным, но тем не менее члены экспедиции решили попытаться счастья. Два отряда, по три человека в каждом, отправились туда, и оба достигли вершины, правда, не без больших затруднений.

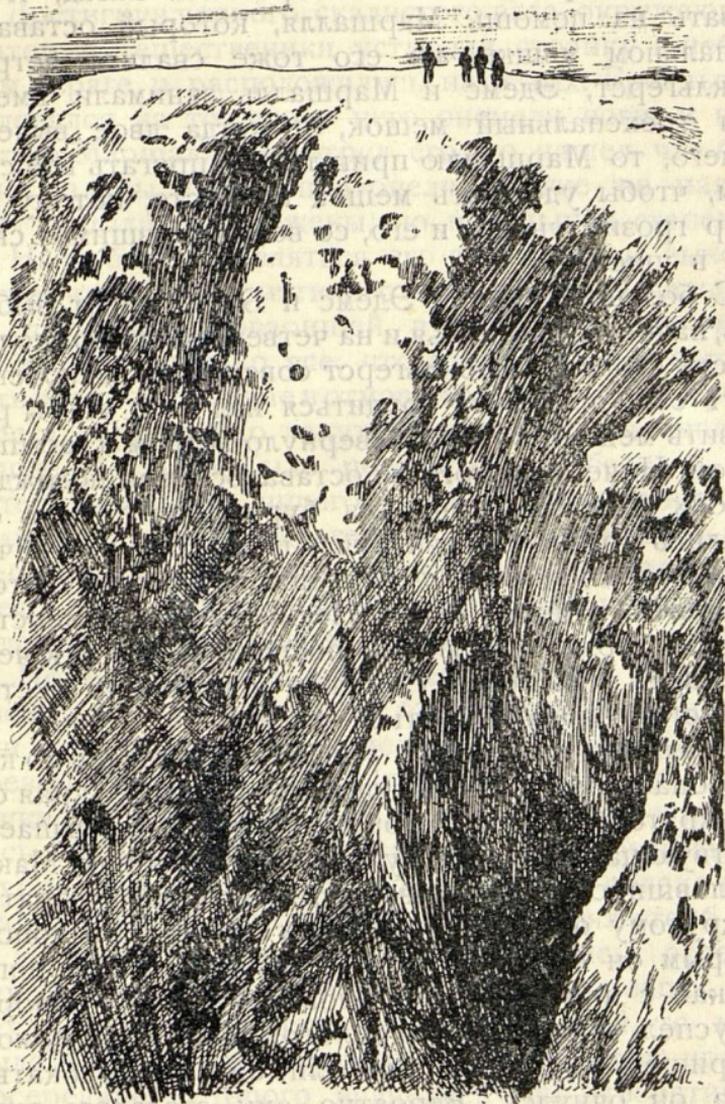
Вулкан Эребус занимает видное место в истории полярных путешествий. Его увидел впервые путешественник Джемс Росс в январе 1841 г. и назвал так по имени своего корабля. Но исследований этого вулкана не было сделано; и вообще полярные путешественники видели его только издали. Гора возвышается над уровнем моря на 4000 метров, и над вершиной ее поднимаются облака пара и дыма. Она господствует над «Великою ледяной стеной», точно стоя на страже громадной, расстилающейся во все стороны, полярной пустыни.

Восхождение на подобный вулкан всегда затруднительно во всех частях света, и редко предпринимается без опытного проводника. Насколько же оно должно быть труднее в полярной области, при сильной стуже и без всякого знания дороги! Но любознательность человека не признает никаких преград и всегда идет навстречу опасностям. Поэтому и маленькая экспедиция из шести человек сгорала нетерпением поскорее предпринять это трудное и опасное путешествие. Решено было взять с собою сани и захватить провизии на десять дней. Предполагалось устроить на известной высоте склад провизии и далее уже идти налегке, захватив с собою припасов не более как на три дня.

Везти нагруженные сани по рыхлому снегу было трудно, и путешественники часто выбивались из сил. Товарищи их, оставшиеся в зимней квартире, довольно долго слышали скрип саней и недовольные восклицания, которые доносились к ним в чистом, прозрачном воздухе полярных стран даже тогда, когда они сами давно исчезли из виду. На второй день исследователи взобрались на высоту около 1665 метров и там решили устроить склад. Разделив между собою ношу, состоявшую из спальных мешков, кухонных принадлежностей и запаса провизии на три дня, так, чтобы каждый нес не более 18 килограммов, они отправились дальше. На третий день они уже ночевали на высоте 2625 метров при температуре 28 градусов ниже нуля.

Ночью поднялся сильный ветер, и к утру разыгралась такая вьюга, что в двух шагах ничего не было видно. О дальнейшем путешествии нечего было и думать при таких условиях, и путешественники продолжали лежать в своих спальных мешках. Однако, после двенадцати часов один из них, Брокльгерст, выполз из своего спального мешка, и тотчас же порыв ветра сорвал его теплую рукавицу из волчьего меха. Он попробовал было поймать ее, но его также

На вершине вулкана Эрбус.

подхватило ветром и снесло в ущелье. Эдемс, который также вылез из спального мешка, вдруг увидел, что его товарищ исчез. Он бросился назад, чтобы позвать на помощь Маршалля, который оставался в спальном мешке, но его тоже свалило ветром. Брокльгерст, Эдемс и Маршалль занимали вместе один трехспальный мешок, и когда двое вылезли из него, то Маршаллю пришлось напрягать все свои силы, чтобы удержать мешок на месте, потому что ветер грозил унести и его, со всем оставшимся скарбом, в ущелье.

С большим трудом Эдемс и Брокльгерст выбрались, наконец, из ущелья и на четвереньках приползли к месту стоянки. Брокльгерст совершенно заоченел, а тут еще пришлось трудиться над тем, чтобы расправить мешок, который свернуло ветром и засыпало снегом. Ничего другого не оставалось, как подождать в своих мешках окончания бури. В этот день они питались только бисквитами и шоколадом, но ничего не пили, так как нельзя было зажечь лампочку, чтобы растопить немного снега. Несмотря на свирепствовавшую бурю, они все же поспали ночью, а к четырем часам утра ветер улегся, и в половине шестого они могли снова пуститься в путь.

Усилия их увенчались успехом. Взбираясь по крутым, опасным крутизнам, они добрались до края старого кратера, в южной стороне которого возвышается действующая вершина вулкана. Один из них, Макай, отделившийся от остальных и вздумавший взобраться по крутому откосу при помощи глетчерного топора, которым он вырубал ступени во льду, чуть не погиб, так как с ним сделалось головокружение и обморок. Он успел только слабым голосом позвать на помощь товарищей, которые и помогли ему выкарабкаться, когда он очнулся. Вероятно ему сделалось дурно от горной болезни, которая является вследствие слишком разреженного воздуха на такой высоте. Одни бывают больше подвержены этой болезни, другие

меньше, но на большой высоте обыкновенно все испытывают в большей или в меньшей степени ее влияние.

Достигнув черного, скалистого вала, окружающего кратер, путешественники устроили стоянку в небольшом овраге и расположились на отдых. Брокльгерст жаловался на то, что у него онемели ноги, и когда доктор Маршалль осмотрел его, то нашел, что большие пальцы у него почернели, другие же пальцы, хотя и были отморожены, но в меньшей степени.

Надо было удивляться его терпению и выносливости, что он мог идти с отмороженными пальцами, не отставая от товарищей, в течение девяти часов! Когда было сделано все, что нужно, чтобы восстановить кровообращение в отмороженных ногах, и Брокльгерста хорошенько закутали и уложили в спальном мешке, то надо было подумать об обеде. С утра путешественники ничего не ели. Подкрепив свои силы и оставив Брокльгерста лежать в мешке, путешественники осмотрели ближайшую местность, а исследование главной действующей вершины вулкана отложили до следующего дня.

Подъем на гору был очень труден. Вследствие высоты и холода дышать было тяжело, и поэтому они подвигались очень медленно. Только благодаря чрезвычайной энергии удалось им достигнуть высшей точки вершины, которой до сей поры еще не касалась нога человека. Глазам их тут представилась глубокая пропасть, в которой клубились облака и слышался грозный шум. Над вершиной стоял столб дыма, к которому постоянно присоединялись огромные клубы испарений, и в воздухе ощущался запах серы. Когда ветер разгонял облака испарений, то можно было наблюдать внутренность действующего кратера, посередине которого виднелись три отверстия, напоминающие отверстие колодца, откуда выделялись вулканические пары. На вершине горы пласты застывшей лавы чередовались с слоями снега, и так

как местами из-под снега вырывался пар, то можно было предположить, что снег лежит на еще неостывших слоях.

Обратный путь совершать было гораздо легче. Путешественники прямо скользили по снежным склонам вулкана и так быстро, что в четыре часа прошли полторы тысячи метров. Это, разумеется, отразилось не совсем хорошо на их одежде и на их вещах. По прибытии в лагерь, где оставался Брокльгерст, путешественники, подкрепив силы пищей, тотчас же принялись за упаковку вещей. Решено было, не теряя времени, спуститься вниз, к устроенному на первой стоянке складу провизии. Они опасались, что снежная буря, свирепствовавшая перед этим, произвела там большие опустошения. Так оно и было: съестные припасы оказались разбросанными в разные стороны.

Последняя часть пути показалась путешественникам особенно трудной. Несколько раз поднималась вьюга и к тому же они чувствовали себя уже не такими бодрыми, как тогда, когда отправлялись в свое путешествие. Брокльгерст, несмотря на отмороженные пальцы ноги, не только шел вместе с товарищами, но даже не позволил им разделить между собою его багаж. Он непременно хотел сам нести свою долю вещей. Впрочем, все так устали, что, не доходя до зимней квартиры, решили бросить свой скарб, чтобы насколько возможно скорее достигнуть хижины.

Шекльтон, выйдя за чем-то из дому, увидел издали их приближение и тотчас же оповестил остальных товарищей.

— Достигли ли вы вершины?— крикнул изо всех сил Шекльтон.

— Да!— раздалось в ответ.

Они явились совершенно обессиленные, но радость, вызванная их возвращением, и бутылка шампанского, распитая по этому случаю, скоро оказали на них свое благодетельное влияние, и они могли

порассказать о своих приключениях. Все были очень довольны результатами восхождения на вулкан и с восхищением описывали величественное зрелище, которое они наблюдали с вершины его. Только бедняга Брокльгерст, несмотря на свою стойкость, не мог чувствовать себя вполне счастливым, так как доктор Маршалль объявил, что ему придется отрезать большой палец на правой ноге. Это была первая дань полярной стуже.

По возвращении экспедиции с горы Эребус, обитатели хижины принялись за приготовление к долгой и тяжелой полярной зиме. Ночи уже становились длиннее, и небо было большею частью усыпано звездами. Однако, можно было ожидать, что погода скоро испортится и начнутся бури, поэтому прежде всего были приняты все меры, чтобы защитить хижину от действия вьюги и предупредить возможность какой-нибудь катастрофы. Вместе с этими приготовлениями к зиме члены экспедиции занимались и научными наблюдениями, каждый по своей специальности. Величайшую радость доставила им находка мха, недалеко от хижины, в защищенном местечке. Это был единственный экземпляр растительного царства, который удалось найти путешественникам в окрестностях стоянки, прежде, чем солнце надолго распрощалось с ними. Растительная жизнь на поверхности полярной области, конечно, была очень бедна, но этого нельзя было сказать о растительности на дне моря и озер, откуда были добыты очень интересные экземпляры водорослей. Вообще, как растительная, так и животная жизнь в полярном море была достаточно обильна—море вовсе не было пустынным и доставляло хорошую добычу ученым.

По возвращении членов экспедиции с Эребуса, была совместно выработана дневная программа занятий в маленьком полярном поселении. Все, за исключением Брокльгерста, который еще не мог ходить, с чрезвычайною аккуратностью выполняли эту про-

грамму и несли свою долю обязанностей наряду с научными занятиями. Каждый поочередно должен был дежурить ночью и только Робертс был освобожден от этого дежурства, потому что он был поваром экспедиции и целый день возился на кухне. Дежурство начиналось с 10 часов утра и заключалось в следующих обязанностях: просматривание записей инструментов и метеорологической станции, осмотр дома снаружи, посещение конюшен и псарни и содержание их в порядке. Ночью же важнейшей обязанностью дежурного, вместе с просматриванием метеорологических записей, было поддержание огня. Печь должна была топиться всю ночь, и к утру надо было припасти горячей воды, для того, чтобы Робертс мог, в половине восьмого утра, приняться за свои кухонные обязанности.

Ночные дежурства, однако, никого не тяготили. Каждому приходилось дежурить через тринадцать дней, и так как он должен был не спать всю ночь, то и пользовался этим обстоятельством, чтобы выполнить все те дела, на которые у него не хватало времени в обыкновенные дни: стирал свое белье, штопал чулки, писал и т. д.

Кроме общей программы, многие из членов экспедиции выработали для себя отдельную программу, которой они строго придерживались. Один из них, например, непременно каждый день раскладывал пасьянс, в то время, как другие отдыхали, потом просматривал бумаги и письма в своей шкатулке, делал записи в своем дневнике и затем, убрав шкатулку на место, погружался в чтение какого-нибудь исторического сочинения.

Починка платья, а в особенности починка чулок, составляла также одно из обычных занятий обитателей хижины; заплатки ставились из самого различного материала: из толстой парусины, фланели и тонкой кожи,—словом, все, что было под рукой, употреблялось для этой цели. Поэтому неудивительно,

что к концу зимы одежда путешественников приобрела весьма курьезный, пестрый вид, вследствие массы всевозможных заплат, красовавшихся на ней.

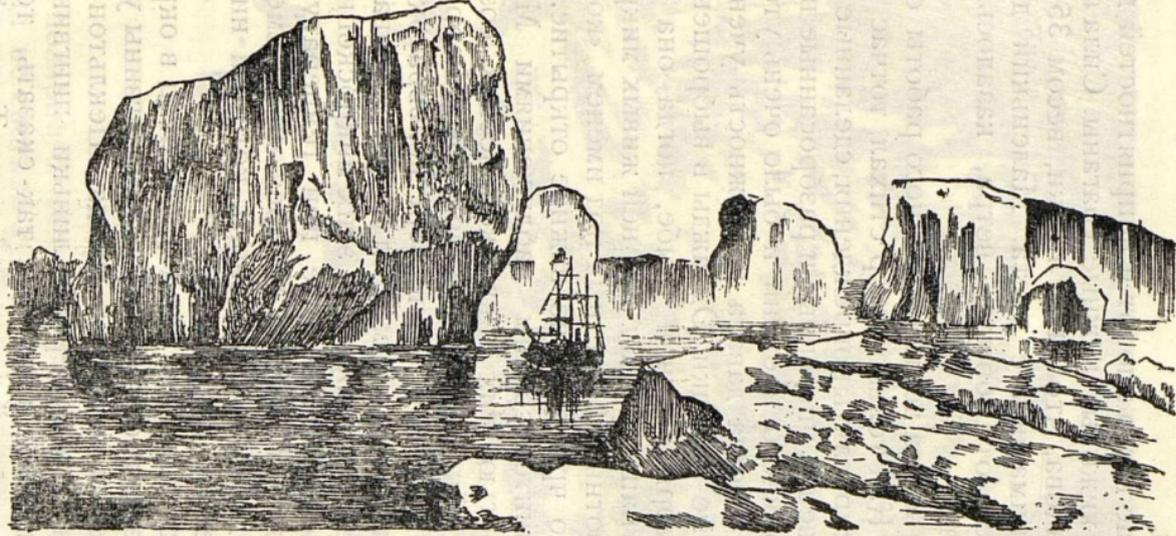
Само собой разумеется, что жизнь путешественников, в течение долгой полярной зимы, протекала очень однообразно. Единственное разнообразие вносили снежные ураганы, когда все работы снаружи хижины становились не только трудными, но даже опасными, и ночное дежурство было наполнено испытаниями, часто довольно тяжелыми. В такую погоду идти в конюшню, принести запас угля для печи или прочитать запись метеорологических инструментов значило совершить экспедицию, сопряженную с немалыми трудностями и опасностями.

Большинство ложилось спать довольно рано и лишь некоторые, в том числе профессор Дэвид, сидели долго, и поэтому в 11 часов обыкновенно устраивался чай. Приготовление чая в этот час скоро стало постоянной обязанностью профессора, который варил его для себя и для своих бодрствующих товарищей, но к часу ночи уже вся хижина погружалась в глубокий сон, за исключением ночного дежурного, который больше всего заботился о том, чтобы печка хорошо топилась и температура держалась на 4 градуса выше нуля. Более высокой температуры трудно было достигнуть, да и то приходилось бросать в печку куски тюленьего жира, для того, чтобы пламя разгоралось сильнее. Если с жиром случайно попадали куски тюленьего меха, то в хижине распространялся довольно-таки неприятный запах, но крепко спящие усталые люди не всегда даже замечали его.

Последние часы ночного дежурства обыкновенно были самыми тяжелыми. Все жаловались, что к пяти часам утра они с трудом держали глаза открытыми. Минуты казались вечностью, и когда, наконец, стрелка часов приближалась к половине восьмого, то из груди дежурного вырвался вздох облегчения. Он будил Робертса и, наскоро выпив чашку приго-

товленного им горячего напитка, заваливался на свою койку и большую часть уже не принимал участия в общем завтраке и не слышал того, что делалось и говорилось в хижине.

Несмотря на старания дежурного, температура к утру в хижине нередко спускалась ниже нуля. Поэтому лишь очень немногие решались переодеться, утренний же туалет большинства членов заключался лишь в том, что они надевали сапоги и делали различные телодвижения, чтобы расправить свои члены. Ровно в девять часов подавался завтрак, и каждый получал миску овсяной каши с горячим молоком, только в известные дни к этому прибавлялся компот из сушеных фруктов. В час снова пили чай, обед же съедался стоя, так как в это время дня многие бывали заняты научными исследованиями и поэтому никогда не собирались вместе; зато ужин, в половине седьмого вечера, затягивался довольно долго. Все собирались к столу и после ужина пили чай, курили и проводили время в дружеской беседе и в обсуждении планов разных экспедиций. Несмотря на все однообразие жизни, никто не жаловался на скуку, все были заняты, и долгая полярная ночь прошла незаметно. «Страшный призрак, так называемая «полярная скука», ни разу не появлялся среди нас», — говорит Шекльтон. До наступления полярной ночи и когда солнце вновь показывалось на небе, Шекльтон и его товарищи устраивали на дворе игры в мяч и другие развлечения, а когда от этого пришлось отказаться, то в хижине играли в карты и домино. Кроме того, большая часть зимних месяцев была посвящена изданию книги «Южная заря». Это была первая книга, написанная, напечатанная и иллюстрированная в южно-полярной пустыне! Устройство типографии доставило много развлечений членам экспедиции. Добровольные наборщики сначала делали много ошибок и приходилось немало возиться с исправлением их, но потом дело пошло

Ледяные горы (айсберги) в южно-полярной области.

гладко. Художник Марстон иллюстрировал книгу, а другой член экспедиции Дей сделал переплет из тоненьких дощечек, взятых от ящиков из-под провизии.

Больше всего хлопот и неприятностей доставляли жителям хижины снежные ураганы. Сила ветра была порою такова, что даже ящики, весом 35 килограммов, поднимались с места. Маленький домик весь сотрясался от порывов ветра, казалось, готового унести его.

Буря всегда доставляла много работы обитателям хижины. Как только ветер стихал, тотчас же приходилось исправлять повреждения, сделанные им, и разыскивать вещи, унесенные и разбросанные вихрем, что отнимало много времени и было очень утомительно. Но буря иногда давала возможность ученым делать интересные находки. Однажды в выброшенной бурей со дна моря ледяной глыбе, когда она растаяла, Мюррей нашел губку и в ней живых микроскопических животных, известных под именем «коловраток». Это было чрезвычайно важное открытие. Все были очень заинтересованы наблюдениями Мюррея над способностью этих микроскопических созданий выносить крайне низкие температуры. Мюррей объявил, что он их «убьет», и подверг коловраток действию различных низких температур, рассчитывая их заморозить. Но некоторые из этих микроскопических созданий не умирали даже при температуре 103° R ниже нуля. Товарищи Мюррея много смеялись над ним и поддразнивали ученого, который никак не может победить коловраток.

С наступлением зимы число птиц в окрестностях хижины заметно уменьшилось. Пингвины уже вывели детенышей и покинули гнезда. Шекльтон сделал наблюдения, что в период линьки пингвины не употребляли пищи, питались, так сказать, только собственным жиром и глотали снег. Тюленей, которые водились во множестве в этих местах, тоже стано-

вилось меньше, и путешественники усиленно охотились за ними, чтобы пополнить свои зимние запасы. Около этого же времени появились на небе первые

Полярное сияние.

признаки полярного сияния, и затем уже каждую ночь, когда не светила луна и не было облачно, полярное сияние обливало своим волшебным светом ледяную пустыню и вулкан Эребус. Как только кто-

нибудь, вышедший из хижины, издавал возглас: «сияние!», то немедленно все бросались вон. Несмотря на то, что это явление можно было наблюдать каждый день, интерес к нему несколько не уменьшался среди членов экспедиции.

Наконец, солнце последний раз озолотило вершину горы и ледяные скалы и скрылось. Началась долгая полярная ночь! «Словами нельзя передать той замечательной игры красок, которую мы наблюдали перед тем, как солнце распростилось с нами», — говорит Шекльтон. — «Облака отливали всеми цветами радуги, и вся местность была освещена каким-то сказочным сиянием, описать которое я не берусь. Мы смотрели, как очарованные, на эту чудную картину последнего солнечного заката, после которого должна была наступить длинная полярная ночь».

Температура сильно понизилась, и в тихие безветренные дни термометр часто показывал 33° R ниже нуля. Все окна хижины были заделаны, и жизнь обитателей ее проходила при искусственном свете ацетиленовой лампы, освещавшей внутренность хижины. Начало зимы было отпраздновано пиршеством, во время которого была отдана честь изобретательности и искусству повара Робертса.

ГЛАВА III.

Возвращение солнца.—Сборы экспедиции к южному полюсу.—Выступление.—На „Великой ледяной преграде“.—Дневник Шекльтона.—Горная цепь. Полуголодное существование.—Мечты о кушаньях.—Гора Надежды.—К южному полюсу через ледник.

Ночь тянулась четыре месяца, и, наконец, около вершины Эребуса стало появляться сияние, которое с каждым днем становилось все ярче и ярче. Это был первый признак наступающей зари, и в хижине начали готовиться к выступлению в путь дальше, к южному полюсу.

Задача предстояла нелегкая. Цель, к которой стремились путешественники, отстояла на расстоянии более 1.490 километров от лагеря, а полярное лето очень короткое. Притом же надо было успеть во время вернуться назад к зимней стоянке так как «Нимрод», который должен был притти туда, не мог оставаться дольше конца февраля, чтобы не быть затертым льдами в проливе. Поэтому решено было выступить 28-го октября, захватив с собою припасов на три месяца. Само собою разумеется, что количество пищи, потребное для каждого человека, было вычислено самым точным образом. Доктор Маршалль занимался этими исследованиями, и в результате его опытов весь дневной паек каждого члена экспедиции был определен в 963 грамма (около 2 $\frac{1}{2}$ фун.) сахара, пеммикана (сушеного мяса), сухарей, сыра, плазмона (молочного порошка), шоколада, чая, какао и консервов особого рода, пригото-

вляемых из ветчины, гороха и моркови. Само собою разумеется, что стол не мог отличаться разнообразием. Утром пили какао и ели сухари и рагу из мясных консервов. Второй завтрак состоял из чая с шоколадом или сыром. Для прокормления же лошадок должны были служить маис и консервы из сушеной моркови, сахара и говядины.

Одежда путешественников состояла из двух пар теплых вязаных панталон, надеваемых одна на другую во время сильных холодов, рубашки, фufайки и блузы из непромокаемой шерстяной материи, называемой «берберри». Каждый имел при себе десять пар носков, три пары мокассин, шапку с капюшоном и меховые перчатки, висевшие на ремне, надетом на шею, для того, чтобы их нельзя было потерять. Эту одежду путешественники не меняли в течение четырех месяцев; за все это время они ни разу не могли умыться как следует, потому что воды не было. Чтобы добыть ее, надо было растопить снег, и, следовательно, истратить топливо, на что они не решились. Можно себе представить, в каком ужасающе грязном виде они должны были вернуться назад, в свой зимний лагерь.

Постельные принадлежности состояли из одного спального мешка для каждого человека. Этот спальный мешок служил для него палаткой, где он мог отдыхать после дневных трудов, читать, писать и заниматься чем вздумается.

Но раньше, чем отправиться в путь к южному полюсу, за десять дней до появления солнца, Шекльтон, с некоторыми из своих товарищей совершил экскурсию на «Великую ледяную стену», с целью исследовать этот огромный ледник, по которому Шекльтон предполагал пробраться на юг, а также испробовать насколько может быть пригоден автомобиль для такого путешествия. Шекльтон отправился втроем, с профессором Дэвидом и Эрмитеджем. Они пробыли в отсутствии десять дней и испы-

тали за это время сильный холод, так как термометр опускался иногда до 48° ниже нуля. Один раз их застиг страшный ураган, и они едва имели силы добраться до прежней зимней стоянки экспедиции «Досковери» и укрыться в хижине. Притом же было темно, солнце еще не показалось над горизонтом, и это значительно затрудняло путешествие. Можно себе представить, каким уютным и привлекательным показалось им собственное жилище, когда они вернулись в лагерь, и с какою радостью встретили их товарищи.

Главный результат этой экспедиции заключался в том, что они убедились в невозможности пользоваться автомобилем при своем дальнейшем движении к южному полюсу, вследствие обилия рыхлого снега и постоянно меняющегося характера местности.

Наконец, 22 августа солнце показалось окончательно над горизонтом, и тогда было устроено еще несколько подготовительных экскурсий, раньше отправления в великий путь к югу. Экспедиции эти имели целью, во-первых, устройство складов провизии, где можно было бы на пути пополнить израсходованные запасы, а, во-вторых, Шекльтон имел в виду приучить к холоду тех из товарищей, которые в первый раз совершали путешествие к полюсу. Каждый отряд, возвращавшийся из такой экскурсии, имел что порассказать. Особенно приходилось страдать от ураганов и от сильного холода, вследствие которого керосин в походной кухне замерзал или превращался в густой сироп, похожий на сгущенное молоко. Зато как приятно было возвращение в теплый и уютный домик и с каким аппетитом путешественники истребляли приготовленный для них обед.

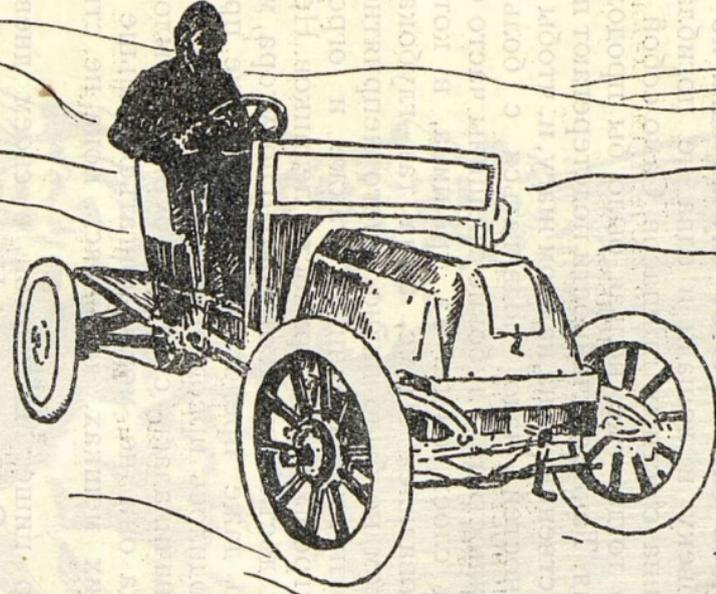
День 28 октября 1908 года Шекльтон называет „великим днем“. В этот день он и его три товарища, Эдем, Уильд и доктор Маршалль, распрощались с остальными и отправились в далекое путешествие. Перед отправлением Шекльтон оставил

самые подробные распоряжения остающимся товарищам на тот случай, если бы он не вернулся в конце февраля, как предполагал. Так как надо было все предвидеть, то Шекльтон сделал следующее распоряжение: если экспедиция не вернется, то в зимней квартире должны остаться трое до следующего года и при первой возможности отправиться на поиски пропавшей экспедиции. „Нимрод“ же, возвращение которого ожидалось в январе, не должен ждать дольше 10 марта, так как, если к тому времени экспедиция не вернется, то, значит, с нею приключилось какое-нибудь серьезное несчастье.

Сделав все эти распоряжения, Шекльтон и его спутники провели последний вечер в писании писем, которые, однако, должны были быть отправлены с „Нимродом“ лишь в том случае, если они сами не вернуться.

В день выступления погода была прекрасная. Солнце светило ярко на безоблачном небе, и это придавало бодрость путешественникам. Все вышли провожать экспедицию, и невольно у каждого закрадывалась в душу мысль, что, быть может, это „последнее прощание“! Впереди была полная неизвестность, долгий и трудный путь и бесчисленные опасности, ожидавшие путников.

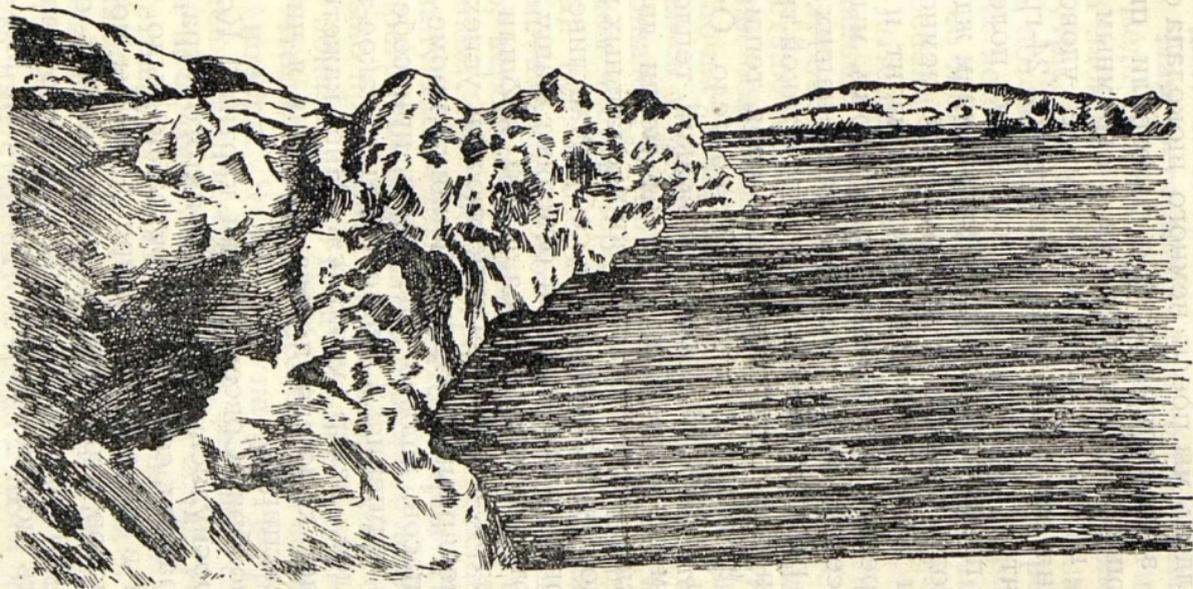
Вспомогательный отряд, проводив экспедицию на 41½ километр от зимней стоянки, вернулся назад, и Шекльтон со своими спутниками должен был дальше пробираться вперед уже собственными силами. Путь становился все труднее и опаснее. «Великая ледяная преграда», с виду ровная, оказалась вся изрезанной опасными трещинами, часто скрытыми под слоем снега. Притом же вообще трудности путешествия по льду и снегу увеличиваются вследствие освещения. На белоснежной поверхности не видно никаких теней, и она кажется совершенно гладкой и ровной. Небольших повышений и понижений почвы совсем не заметно, и поэтому легко могут произойти падения.

Проба автомобиля в южно-полярных широтах.

Первым поплатился Эдемс, который сначала сильно расшиб себе ногу, а в следующий раз даже чуть не погиб, так как провалился в трещину вместе с лошадью. По счастью он задержался в своем падении чем-то вроде снежного моста, но можно было опасаться каждую минуту, что этот мост рухнет и Эдемс полетит в бездну. Действительно, как только, с помощью своих товарищей, Эдемс выкарабкался на поверхность и вытащил лошадь, снежный мост рухнул. Страшно было подумать, что бы произошло, если бы его не удалось спасти! Этот случай едва не стоил жизни человеку и лошади и едва не погибла при этом половина естественных припасов. Само собой разумеется, что тогда уже нельзя было бы продолжать путешествия. Такие случайности подстерегают полярных путешественников на каждом шагу, и, чтобы избежать опасностей, надо подвигаться с большими предосторожностями. Глубокие трещины часто скрываются под слоем снега. Та трещина, в которую чуть не провалился Эдемс, была так глубока, что дна ее совсем не было видно. Много неприятностей доставляли путешественникам также и огромные снежные сугробы на поверхности ледников. Некоторые из них достигали высоты около полутора метра. Нам трудно даже представить себе, какие препятствия приходилось преодолевать путешественникам. Но когда начиналась снежная буря, то было еще хуже. Тогда они не могли двигаться дальше и лежали в своих мешках, дожидаясь, пока не стихнет ветер.

Вот, что пишет Шекльтон в своем дневнике: «8-го ноября. Опять вьюга! Целый день проводим в своих спальнях мешках. Снаружи метет снег и завывает ветер. Впрочем, температура повысилась и в полдень было уже меньше одиннадцати градусов мороза. Наши надежды и терпение подвергаются тяжелому испытанию, и мы не можем не думать о том, что запасы драгоценного лошадиного корма

Весна в южно-полярных странах.

уменьшаются с каждым днем, хотя наши лошадки даже не получают правильной порции!

«В полдень мы поели немного шоколада с бисквитами, но зато приготовили и разогрели пищу для наших лошадок. Они съели ее с огромным аппетитом, что и нам доставило большое удовольствие. Четыре дня они тащились в снегу при 24-градусном морозе, что, разумеется, не особенно полезно для них. Вот почему мы с таким нетерпением ждем перемены погоды. Сегодня к вечеру стало немного светлее, и мы могли уже различить горизонт и некоторые из трещин в леднике. Повидимому, мы попали в целую сеть таких трещин. Одна из наших палаток оказалась раскинутой как раз на краю такой трещины.

«Сегодня мы приготовили для себя теплый ужин из какао и пеммикана. Это нас согрело. Очень тяжело быть 12 или 13 часов без всякой теплой пищи при таком морозе. Если бы мы могли двигаться, а не должны были лежать в своих спальных мешках, то наверное чувствовали бы себя счастливее! 1.200 километров по прямой линии отделяют нашу зимнюю стоянку от южного полюса, а мы прошли только 82 километра. Но я не сомневаюсь в успехе. Ведь каждый полярный путешественник, кроме всяких других запасов, должен еще иметь при себе огромный запас терпения! Солнце сегодня какое-то бледное, тусклое, ветер усилился. Мне кажется, что завтра будет хорошая погода. Сегодня я читал комедии Шекспира.

«9-го ноября. Совсем другая картина! Когда мы сегодня проснулись в половине пятого утра, погода была прекрасная, солнечная и ветра не было. Совсем иначе, чем в последние четыре дня! Мы позавтракали в 5 часов утра и тотчас же принялись откапывать свои сани из-под снега. Потом мы отправились разыскивать дорогу между трещинами. Мы нашли всевозможные трещины, маленькие и очень большие, где не видно было дна. Мы бросили в одну из таких

трещин твердый ком снега, но не слышали звука удара о дно, следовательно, трещина была очень глубока. Нам оставалось только довериться своей судьбе. Ведь должны же мы как-нибудь выбраться из этого лабиринта. Мы выступили в половине девятого утра. Первые трещины мы миновали благополучно, потом вдруг раздался страшный треск, и одна из наших лошадок провалилась. Эдемс пробовал вытащить ее и изо всех сил удерживал сани, пока мы не подошли на помощь. Общими усилиями нам удалось вытащить лошадь и спасти сани. Несколько шагов дальше трещина расширилась и становилась очень глубокой. Тогда уже все бы погибло и нашему путешествию пришел бы конец! По счастью, это было последняя большая трещина на нашем пути. Постепенно почва стала ровнее, и мы довольно сносно подвигались вперед. В час мы сделали привал, покормили лошадок, которые поели с большим аппетитом. В седьмом часу вечера мы вдруг услышали какой-то странный гул, продолжавшийся около пяти секунд и напоминавший грохот пушек. Мы предположили, что это, вероятно, произошел разрыв ледяных масс в «Великой ледяной преграде» и, конечно, это нас очень напугало. Я полагаю, что от края «Великой ледяной преграды» отделились огромные ледяные массы и это было причиной слышанного нами грохота. Термометр показывает 12 градусов мороза, но нам тепло, потому что нет ни малейшего ветра и солнце светит.

«13 ноября. Я не мог писать вчера, потому что у меня сделался припадок снежной слепоты. Но сегодня вечером я уже чувствую себя лучше. Уильд также страдает снежной слепотой. Это ужасно неприятная болезнь. Сначала все двоится в глазах, потом является такое ощущение, как будто песок попал в глаза, потом начинают литься слезы из глаз и глядеть ими становится трудно. Хотя я не снимал очков, но слезы у меня лились ручьями и замерзали на моей бороде. Впрочем, несмотря на это, мы в бод-

ром настроении, потому что погода хорошая. Аппетит у нас превосходный, даже слишком хороший в виду того, что мы должны довольствоваться весьма умеренными порциями. Я надеюсь, что мы завтра вечером доберемся, наконец, до склада провизии, устроенного по моему распоряжению, откуда мы можем пополнить свои запасы. Приятно будет найти хотя бы такой маленький признак пребывания человека в этой белоснежной ледяной пустыне, удаленной почти на 95 километров от ближайшей земли.

«14-го ноября. Опять хорошая погода, но только очень холодно, так как дует резкий ветер, прямо нам в лицо. Мы подвигаемся с большою осторожностью, так как я убедился, что область «Великой ледяной преграды» так же капризна и изменчива, как и поверхность моря.

«Мы вынуждены были остановиться в шесть часов вечера. Я занялся определением нашего местоположения на карте, а в это время Уильд вышел из палатки и начал рассматривать местность в подзорную трубу. Вдруг он закричал нам, что он видит склад. Мы тотчас же побежали к нему. Действительно, можно было очень ясно разглядеть флаг и сани. Какое облегчение испытали мы при мысли, что там мы найдем запасы корма для лошадей на четыре дня и 4½ литра керосина для нашей кухни. Сегодня мы будем лучше спать ночью.

«Кругом нас мертвая тишина. На каждой нашей остановке мы строили большой снежный холм, который должен служить нам указателем дороги на обратном пути. Мы страшно заинтересованы тайной «Великой ледяной преграды» и постоянно думаем о том, что нас ожидает далее к югу. Если счастье не изменит нам, то недели через две мы разгадаем эту тайну».

Дни проходили за днями и походили один на другой, как две капли воды. Каждое утро путешественники вставали в половине пятого и завтракали

в шесть часов. Затем они снимали палатки, запрягали лошадок и укладывали вещи в мешки. Холод затруднял все движения, поэтому сборы в дорогу происходили довольно медленно и раньше 8 часов утра никогда не удавалось выступить. Подвигались гуськом; каждый вел свою лошадку и по очереди шел впереди, чтобы указывать дорогу. В час они останавливались, чтобы поесть и отдохнуть, а в шесть часов устраивались на ночлег. Сначала обряжали лошадей, затем разбивали палатки и готовили обед. Обязанности повара исполнял каждый по очереди. Усевшись в палатке кругом керосиновой кухни, путешественники с'едали обед и после того залезали в свои спальные мешки. Но прежде, чем заснуть, каждый непременно записывал что-нибудь в свой дневник, и затем все в лагере погружались в глубокий сон, чтобы запастись силами для следующего дня. Шекльтон говорит, что это были самые приятные часы в течение дня.

«Область „Великой ледяной преграды“, пишет в своем дневнике Шекльтон,—это огромное, мертвое, белоснежное поле, полное какой-то странной и жуткой таинственности. Нигде не видно земли и поэтому каждое малейшее пятнышко на этом беспредельном белоснежном пространстве производит сильное впечатление.

«Нам иногда кажется, что мы находимся в совершенно другом мире. Губы у нас потрескались от холода, но мы не обращаем на это внимания, хотя это мешает нам смеяться. Только сильный аппетит дает себя чувствовать. Уже теперь наша ежедневная порция кажется нам слишком малой, что же будет потом, когда мы начнем испытывать настоящий голод?».

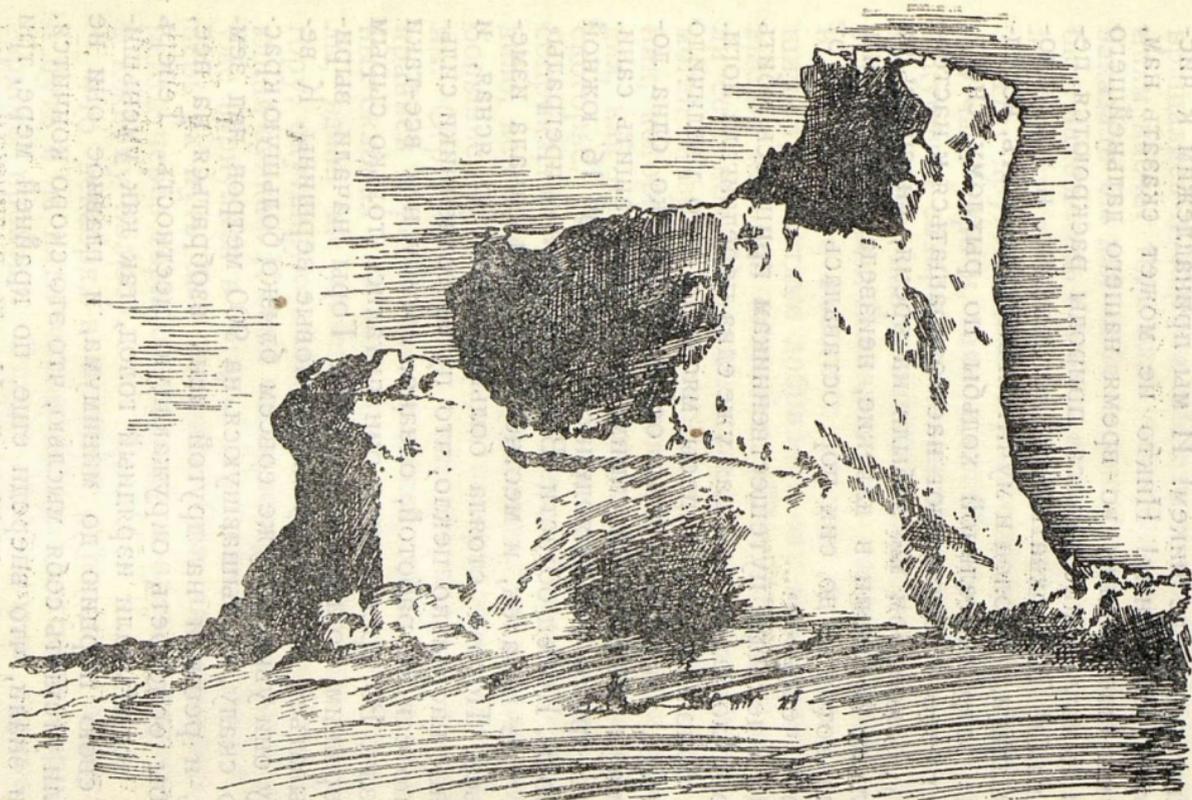
Недостаток корма и необходимость пополнить запасы свежим мясом заставили путешественников убить одну из лошадок, которая сильно поранила себе ноги и поэтому хромала.

У Эдемса разболелся зуб, и пришлось остановиться раньше на ночлег. Маршалль попробовал вытащить ему зуб, но так как инструментов не было, то зуб сломался, и бедный Эдемс очень страдал, но мужественно переносил боль. В конце-концов Маршаллю удалось вытащить зуб, и Эдемс мог поесть немного мяса.

22-го ноября путешественники увидели вдали какую-то мрачную обледенелую горную цепь, среди которой виднелись кое-где обнаженные пики. Они испытали сильное и вполне понятное волнение при виде этой цепи. Там, быть может, находились земли, которых еще не видал ни один человеческий глаз! Безграничное уединение окружающей природы производило на них особенное обаяние, и порою они даже не решались заговорить, чтобы не нарушить торжественного безмолвия снежных полей. Но глаза их, едва оправившиеся от снежной слепоты, с напряжением смотрели вдаль, стараясь разглядеть малейший признак новых земель.

«28-го ноября. Памятный день!— пишет Шеклтон.— Сегодня мы перешли самый отдаленный южный пункт земного шара, на который когда-либо вступала нога человека. Вечером мы уже находились на $82^{\circ} 18\frac{1}{2}'$ южной широты. Капитан Скотт остановился на $82^{\circ} 16\frac{1}{2}'$ южной широты. Это был конечный пункт, достигнутый предшествующей экспедицией. Мы бодры и веселы. Мороз несколько больше 5 градусов. Мы отпраздновали переход этой границы тем, что распили маленькую бутылочку ликера Кюрассо, которым снабдили нас друзья. Каждый получил две чайные ложки. Потом мы закурили папирсы и долго болтали, пока не заснули. Что-то принесет нам следующий месяц? Если все пойдет хорошо, то мы будем вблизи нашей цели в конце декабря.

«С замиранием сердца смотрели мы на эти отдаленные горы, на величественные темные вершины пиков, окаймленные вечными снегами и поднимаю-

Ледяная гора.

щиеся над неведомой страной. Ведь лишь очень немногим людям бывает суждено увидеть землю, невиданную доселе никем! И мы принадлежим к числу этих избранных! Никто не может сказать нам, что мы еще увидим во время нашего дальнейшего пути к югу, какие чудеса природы раскроются перед нами! Нас охватывает нетерпение, и мы ускоряем шаги, но голод и мучительная усталость, вследствие затруднительной ходьбы по рыхлому снегу, берут свое и заставляют нас возвращаться к настоящему, о котором мы забыли на время, унесшись на крыльях фантазии в далекие, неизведанные страны, тайна которых до сих пор оставалась сокрытой от взоров человека»...

1-го декабря путешественникам пришлось убить вторую лошадку, которая уже едва передвигала ноги. Это пополнило их запасы мяса, но зато увеличило их труд, так как у них осталась только одна лошадка и поэтому им самим пришлось тащить сани. В это время они находились уже на $83^{\circ} 16'$ южной широты. Конец области «Великой ледяной преграды» был уже недалек, и местность кругом начала изменяться. Погода стояла большею частью ясная, и солнце настолько пекло, что путешественники сильно потели за работой, однако, ноги у них все-таки мерзли. Во время пути они питались только сырым замерзшим лошадиным мясом. Горы начали вырисовываться яснее, появились новые вершины. К вечеру они увидели уже совсем близко большую красную скалу, возвышавшуюся на 900 метров над землей, и решили на другой день взобраться на нее, чтобы осмотреть окружающую местность. Теперь они испытывали изрядный голод, так как уменьшили свою порцию до минимума, и главное они не могли утешать себя мыслью, что это скоро кончится. Они знали, что впереди еще, по крайней мере, три месяца таких же лишений. Иногда величественная суровая и доселе невиданная красота полярной при-

роды отвлекала их мысли от собственных ощущений, но ненадолго. Под влиянием голода они снова возвращались к мыслям об еде и предавались мечтаниям насчет того или иного кушанья, которое они заказали бы для себя в ресторане, если бы... если бы... находились в цивилизованной стране, а не в полярной пустыне, на пути к южному полюсу!..

На другой день путешественники поднялись в 4 часа утра и, взяв с собой по 4 бисквита и по 4 кусочка сахара на человека, а также по $\frac{1}{8}$ фунта шоколаду, направились к скале, на которую хотели взобраться. Лошадке дали корму на целый день и оставили ее вместе с вещами в лагере. С большими трудностями добрались они до вершины горы, высота которой оказалась 1020 метров. Они назвали ее горою Надежды, так как с ее вершины они могли обозреть окрестность и увидели большой ледник, который направлялся прямо к югу и переходил, как им показалось, в высокое внутреннее плоскогорье. Там, где этот замерзший ледяной поток соприкасался с «Великой ледяной стеной», происходило, вероятно, сильное давление льдов, вызвавшее большие передвижения на поверхности ледяной стены. Огромные массы льда оторвались от нее по крайней мере на пространстве целой мили. На южных склонах гор виднелись высокие гранитные скалы, вдали же путешественники увидели высокую гору, окутанную облаком, и приняли ее за действующий вулкан. К семи часам вечера путешественники уже вернулись в лагерь, окрыленные надеждой. Теперь их путь был намечен. Они намеревались перейти через горы по леднику и прямо направиться к южному полюсу.

4-го декабря, в 8 часов утра, они двинулись в путь и к пяти часам вечера достигли вершины горного прохода. Оттуда они начали спускаться к леднику и в шесть часов вечера были уже у подножия голубой ледяной массы, заключенной между

гранитными скалами. Погода им благоприятствовала. В полдень температура была в $4\frac{1}{2}$ град. ниже нуля и так как ветра не было, а солнце ярко светило, то временами им было даже жарко. Они отвыкли от такой температуры. Очень довольные своим дневным переходом, они остановились на ночлег у подножия ледника.

ГЛАВА IV.

Замерзший ледяной поток.— Опасности пути.— Гибель лошади.— «Препятствия существуют только для того, чтобы их преодолевать!»— Гора облаков.— Ко всему можно привыкнуть.— Лошадиный корм.— Рождество в ледяной пустыне.— Голод и холод.— Рискованное путешествие.— Ближе к южному полюсу!— Возвращение назад.

Путь через ледник оказался, однако, очень затруднительным. Поверхность замерзшего ледяного потока была вся изрезана трещинами. Некоторые из них были покрыты снегом, другие же зияли, и страшно было заглянуть в их бездонную голубую глубину! Малейшее неосторожное движение было бы гибелью для путешественников, поэтому они подвигались очень медленно. Лошадку пришлось вести под уздцы, по краю ледника, потому что она не могла тащить сани по расколотому льду.

Шекльтон сильно страдал от снежной слепоты и не мог смотреть. Это сильно затрудняло путешествие. Пришлось частями, в несколько приемов, перетаскивать поклажу. Удивительную вещь сообщили Маршалль и Уильд, разыскивавшие дорогу впереди. Они уверяли, что видели пролетевшую над ними птицу коричневого цвета, с белой полоской на нижней стороне крыльев. Конечно, это поразило их. Кто бы мог ожидать встретить живое существо в этой мертвой ледяной пустыне.

На следующий день чуть не произошло несчастье. Приходилось карабкаться по горным склонам, проваливаясь в рыхлый снег. Трещины были кругом и,

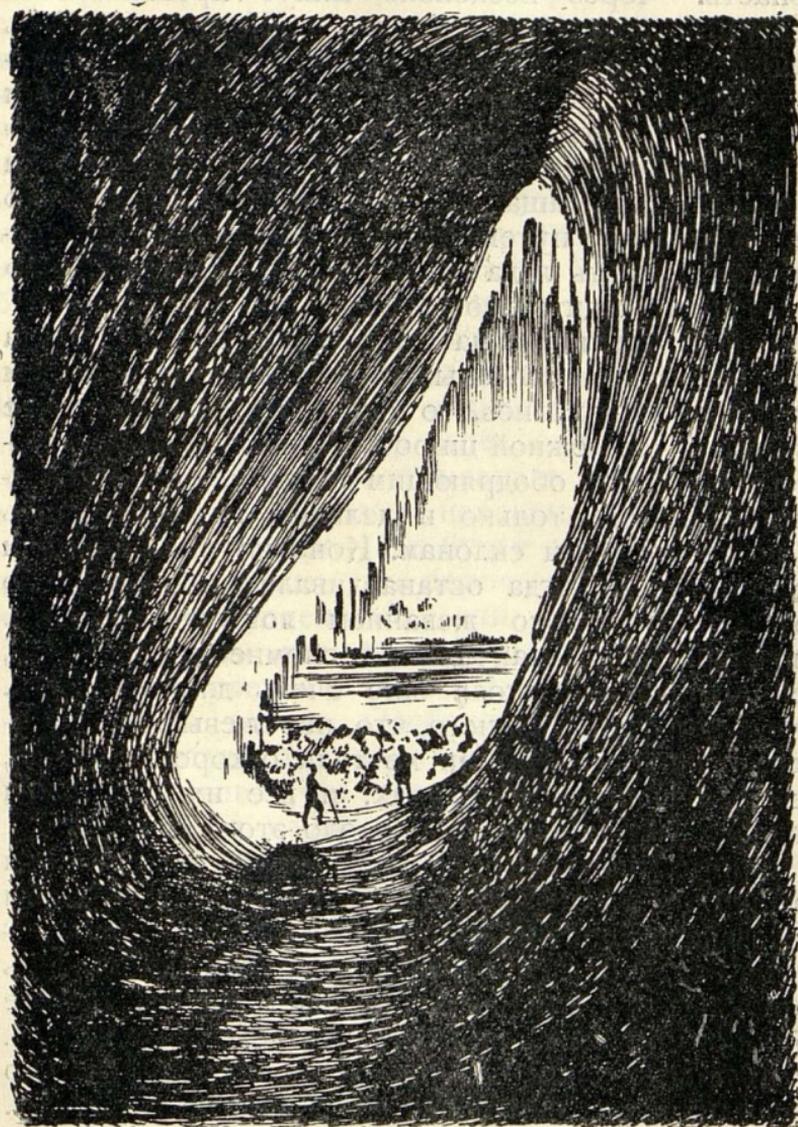
кроме того, освещение, по причине облачности, было очень плохое и трудно было различить что-нибудь среди белого рассеянного света, окутывавшего ледник. Путешественники шли медленно и осторожно. Вдруг они услышали отчаянный крик Уильда, шедшего позади и ведшего под уздцы лошадь. Они тотчас же поспешили на помощь к товарищу, который, уцепившись за сани, повис над пропастью. Но лошади не было и следа!

С большими усилиями удалось им вытащить Уильса на безопасное место, но лошадь бесследно исчезла в глубокой трещине. Уильд шел по следам товарищей и перешел таким образом через трещину, покрытую снегом, но под тяжестью саней снежная кора рухнула. Уильд внезапно почувствовал порыв ветра, который засвистел у него в ушах, узда вырвалась у него из рук, и он, инстинктивно вытянув руки, схватился за край трещины. К счастью, при падении лошади сломался крюк у саней, к которому были прикреплены постромки, и это обстоятельство спасло сани и Уильда.

Путешественники подползли к трещине и заглянули вниз. Ни звука не доносилось к ним оттуда, и только черная бездонная пропасть зияла перед ними. Какое счастье, что Уильд был спасен! Гибель саней также могла бы иметь ужасные последствия. Там были спальные мешки, а без них нельзя было бы продолжать путь, и, пожалуй, не удалось бы даже добраться до зимней стоянки.

Пришлось самим везти сани. В этот день им вообще не повезло: для того, чтобы остановиться на ночлег, они должны были пройти 400 метров назад, так как их со всех сторон окружали трещины, и они не могли тут устроить ночлег, не рискуя провалиться во сне в трещину.

Погода была прекрасная на следующий день. Это было большое счастье, так как переход оказался очень трудным и опасным. На этот раз настала оче-

Пещера в ледяной горе.

редь Маршалля провалиться. Его вытащили. Если бы не упряжь, то он, пожалуй, свалился бы в бездонную пропасть. Через несколько минут проваливается Эдемс, а затем настает очередь и Шекльтона. Путь становится все труднее и труднее. Сани раскатываются и ударяются об острые края трещин. Везти двое саней становится невозможно, и тогда они запрягаются все четверо в одни сани и отвозят сначала их, а затем возвращаются за другими. Конечно, это очень осложняло путешествие и замедляло его. Наконец, поверхность льда стала ровнее, и тогда можно было снова тащить двое саней.

Однако, несмотря на все эти препятствия, когда они остановились на отдых и занялись определением места, где находились, то оказалось, что они уже достигли $84^{\circ} 2'$ южной широты. Это открытие подействовало на них ободряющим образом. Ведь последние два дня они только и делали, что карабкались по крутым горным склонам. Конечно, они ощущали сильный голод, когда останавливались на отдых, но утоляли его только жеванием лошадиного мяса. Приходилось быть как можно экономнее с провизией, ведь впереди предстоял еще очень длинный путь. Ничего нет удивительного, что, пережевывая замерзшее лошадиное мясо, они мечтали о хорошем обеде, о своих любимых кушаньях, и все их разговоры большею частью вертелись около этого предмета.

Дорога с каждым днем становилась хуже. Синяя поверхность льда была усеяна острыми выступами и изрезана трещинами. Приходилось напряженно следить за тем, чтобы сани не разбились о какой-нибудь ледяной выступ или не исчезли в трещине. Всякое неосторожное движение неминуемо влекло бы гибель. Но путешественники утешали себя мыслью, что с каждым шагом они подвигаются ближе к полюсу.

Скоро они увидели ближе гору, которую принимали за вулкан. Облака рассеялись, и они могли хорошо рассмотреть ее вершину и убедиться, что

это была обыкновенная гора. Шекльтон назвал ее «горою облаков». По счастью погода была все время хорошая, и это ободряло путешественников. Несмотря на голод и трудности пути, они не теряли мужества. «Препятствия существуют только для того, чтобы их преодолеть!» говорит Шекльтон, и он и его товарищи на каждом шагу подтверждали эту истину. Осторожность ни на минуту не покидала их. Они отлично понимали, какие серьезные последствия могут произойти, если один из них, вследствие какого-нибудь несчастного падения, не в состоянии будет продолжать путешествие.

Однако мучительному под'ему по синим ледяным склонам, казалось, не было конца. 13-го декабря Шекльтон и его товарищи находились уже на высоте 1.330 метров. Поднимаясь выше, они открывали все новые и новые горы на юго-западе. Они шли мучительно ожидая, что, под'ем, наконец, кончится, и они достигнут плоскогорья, где будет легче идти. Таким образом, все поднимаясь и перетаскивая сани с величайшими затруднениями, они достигли высоты 2.500 метров, но это еще не был конец! Трудности путешествия увеличивались вследствие высоты и усиливающегося холода. Особенно ощутительна была снежная метель на такой высоте. В одном месте Уильд, отправившийся посмотреть, не видно ли конца ледника, нашел камни, очень похожие на уголь, и, действительно, как определил потом профессор Дэвид, это были куски угля. Уильд видел его в огромных количествах. Слои этого черного вещества были заложены в песчанике и были толщиной в семь—восемь фут.

Местами склоны становились такими крутыми, что приходилось вырубать ступени во льду, чтобы поставить ногу. Взбираясь на такой склон, они втаскивали сначала одни сани и, поставив их на безопасное место, отправлялись за другими и поднимали их при помощи веревки, которую они тянули изо всей силы, стоя на широкой ступени, вырубленной во льду.

топором. Это приходилось проделывать бесчисленное множество раз, пока, наконец, не была достигнута площадка, на которой можно было раскинуть лагерь.

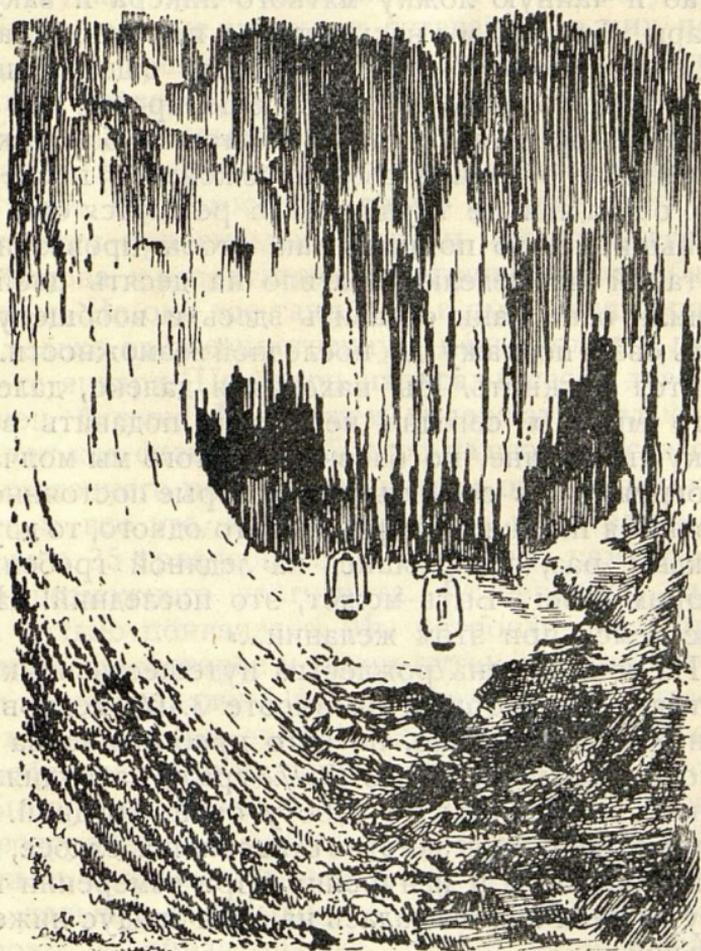
Человек привыкает ко всему, и мало-по-малу путешественники стали совершенно равнодушно относиться к трещинам, среди которых они двигались, и даже не пугались, когда кто-нибудь из них проваливался. «Ага! ты нашел ее!» восклицали они, помогая выкарабкаться провалившемуся товарищу. «Мы точно ходим по стеклянной крыше станционного зала!» — говорил Уильд. Вообще они стали нечувствительны к окружающим их опасностям и склонны были даже подшучивать над ними и даже друг над другом. Между тем трещины становились все опаснее, так как они были совершенно скрыты мягким снегом и обнаруживались тогда только, когда кто-нибудь проваливался. То и дело приходилось вытаскивать то одного, то другого, но, благодаря упряжи, удерживавшей провалившегося, все кончалось благополучно.

Чтобы сберечь подальше съестные припасы, пришлось еще убавить порции. Каждый день путешественники убавляли по одному сухарю на человека, а также экономничали на сахаре и пеммикане. Вместо этого они ели маис, размоченный в воде. Этот маис служил кормом лошадям, а теперь он стал пищей для людей. Но когда температура сильно понизилась, то маис уже нельзя было размачивать в воде, так как вода замерзала.

В рождественский сочельник, 24-го декабря, они достигли высоты 2.773 метров, но дорога все еще шла в гору. Мороз был сильный, и они очень страдали от холода. В шесть часов вечера остановились на ночлег. Мысли всех унеслись на далекую родину, где, быть может, теперь также вспоминали путешественников, затерянных во льдах южного полюса.

«Первый день рождества! — пишет Шекльтон в своем дневнике. — Очень холодно. Термометр пока-

зывает $26\frac{1}{2}$ град. мороза. Но мы все-таки выступили и весь день карабкались на крутой горный склон, местами весь изрезанный трещинами. По случаю

Ледяной грот.

праздника мы убрали свои сани флагами. В этот день мы позволили себе попировать. На обед у нас было вареное лошадиное мясо с пеммиканом, говяжий бульон и сухари. Затем мы с'ели по маленькому

кусочку рождественского пудинга, который дал Уильду на дорогу один товарищ, и запили это крошечной рюмочкой коньяку. В заключение мы выпили какао и чайную ложку мятного ликера и закурили сигары. Сегодня мы насытились в последний раз, так как с завтрашнего дня мы должны еще уменьшить свою порцию. Нам остается еще пройти 925 километров, а провизии у нас остается не более, как на месяц. Мы обсудили свое положение и после сытного обеда нам не трудно было решиться еще более уменьшить свою порцию, так, чтобы провизии, рассчитанной на неделю, хватило на десять дней. Мы решили одни сани оставить здесь и вообще уменьшить свою поклажу до последней возможности. Приходится рискнуть. Мы находимся далеко, далеко от всего мира, и сегодня не можем подавить в себе тоску по родине, по близким! Оттого мы молчаливы и погружены в свои мысли, которые постоянно прерываются падением в трещину то одного, то другого. Каждый раз, взобравшись на ледяной гребень, мы говорим себе: «Быть может, это последний! Но так и остаемся при этом желанием...»

На третий день рождества путешественники уже достигли плоскогорья, на высоте 3.109 метров. Трещин больше не было, но зато пребывание на такой высоте и сильный мороз ($35\frac{1}{2}$ град.) затрудняли дыхание и делали всякую работу очень трудной. Силы путешественников заметно становились слабее, вследствие голодания и изнурения. При измерении температуры тела она оказалась на один градус ниже нормальной.

Шекльтон с каждым днем надеялся, что местность станет более ровной и легче будет идти. Но ничего подобного! Поверхность плоскогорья оказалась в высшей степени изменчивой. Путешественники тащились с трудом, и все начали страдать сильнейшей головной болью, что было одним из признаков горной болезни.

«В самом деле полюса трудно достигнуть!» восклицает Шекльтон.

30-го декабря поднялась страшная метель, которая вынудила путешественников с 11 часов утра залезть в спальные мешки и оставаться в них целый день, в то время, как ветер налетал порывами на палатку, грозя сорвать ее. На другой день они попробовали пуститься в путь, но это было самое трудное путешествие, какое только можно было представить себе. Пришлось все время взбираться по рыхлому снегу при сильном ветре и метели. У всех болела голова, и недостаточное питание давало себя чувствовать. Но они все-таки шли и шли, видя перед собою только одну единственную цель—южный полюс!

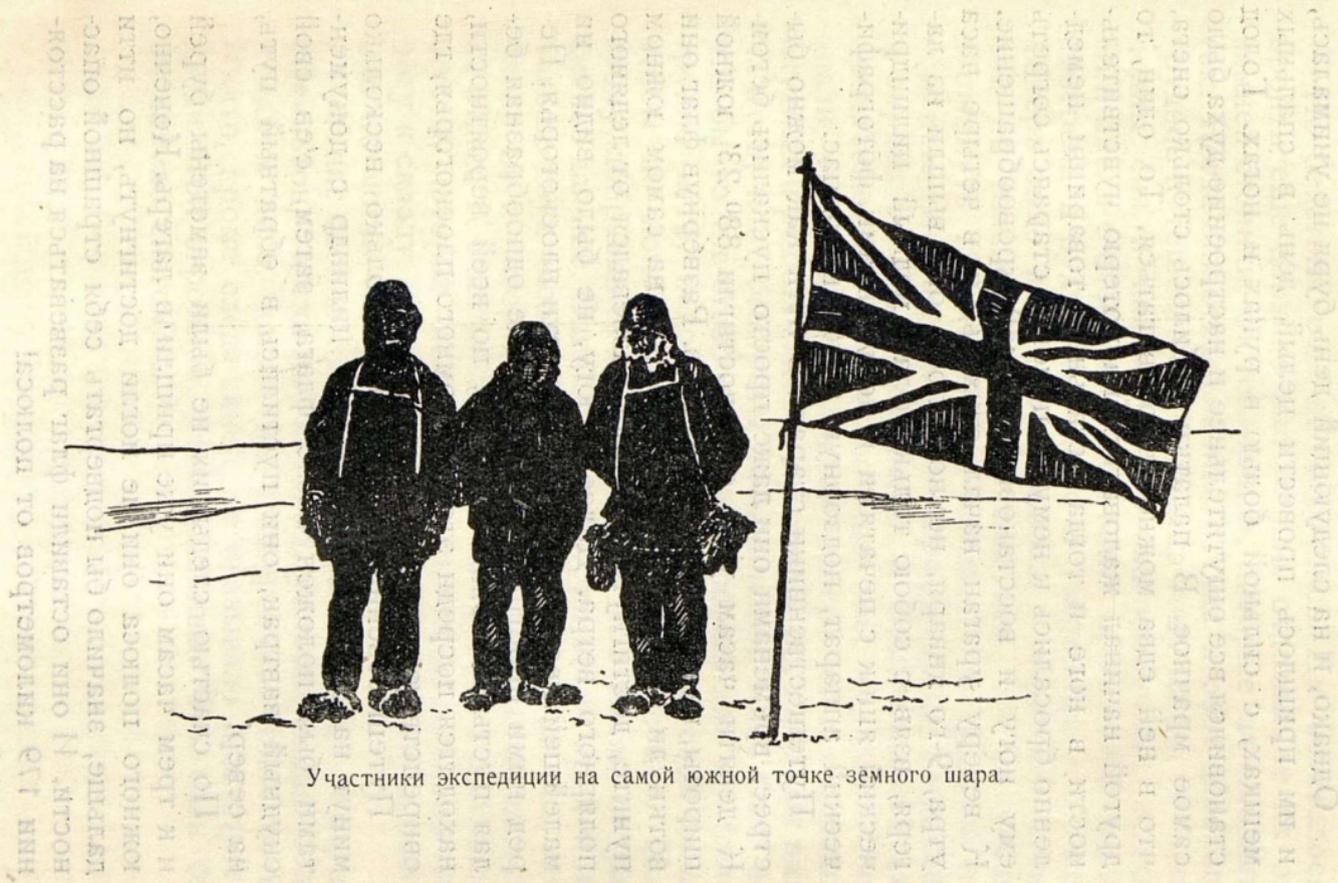
4-го января Шекльтон написал в своем дневнике: «Конец близок! Мы можем выдержать только три дня, так как силы наши быстро падают. Последствия недостаточного питания становятся очень ощутительными, и все это, вместе с бурями и метелями при морозе в 35 градусов, ясно указывает нам, что граница возможного достигнута. Температура нашего тела сильно понизилась. Мы устроили склад провизии и на плоскогорье и таким путем еще более облегчили нашу поклажу. Однако, у нас явилось опасение, что мы не найдем этот склад на нашем пути среди однообразия окружающих нас снегов, и поэтому, чтобы предотвратить такую страшную случайность, мы водрузили возле него одну из стоек нашей палатки и привесили к ней флаг. И все-таки мы пошли дальше, что было, конечно, риском с нашей стороны и оправдывалось только нашей великой целью. Само собой разумеется, что это путешествие могло быть предпринято только с полного согласия моих товарищей, которые также хотели идти вперед. Я теперь почти уверен, что полюс лежит на этом высокоом плоскогорье, которое нами открыто».

На другой день опять поднялась снежная вьюга при морозе 36½ градусов. Больше всего путеше-

ственники страдали от холода и голода. Шекльтон жалуется на сильную головную боль, «которую он не пожелал бы даже своему врагу!»—Еще два или самое большее три дня,—говорит он,—и силы наши придут к концу!»

6-го января он записал в своем дневнике: «В последний раз мы выступили в поход с санями и со всем нашим скарбом! Завтра мы оставим лагерь со всем, что у нас есть, и, захватив немного провизии и флаг, постараемся пробраться как можно далее к югу и там водрузить его. Сегодня 39¹/₂ град. мороза при сильной снежной вьюге. Кажется, это самый тяжелый день для нас. Мы голодны. Лошадиный корм уже давно истреблен нами. Пальцы и лицо у нас коченеют от холода. Вечером мы достигли 88° 7' южной широты. Завтра мы пойдем только с флагом в руках. Мы уже знаем, что не можем достигнуть цели, и только мысль, что мы сделали все от нас зависящее, может несколько облегчить наше разочарование и огорчение. Но силы природы победили нас и помешали нам достигнуть цели!»...

7-го января температура еще понизилась: около 45 град. мороза. Снежная вьюга, настолько сильная, что трудно держать глаза открытыми. Пришлось лежать в палатке, в спальных мешках, между тем как тонкий слой снега, проникавший через изношенные стенки палатки, покрывал все. Уныние овладело путешественниками. Запасы провизии иссякли, а между тем они не могли двинуться с места. Спать они не могли. Теперь уже было решено, что как только стихнет ветер, они выйдут с флагом и пройдут как можно дальше, чтобы водрузить его. Больше всего их тревожила мысль, что вьюга может замести их следы и они могут сбиваться с пути и не найдут дороги к своему складу, от которого зависела их жизнь. Среди этой снежной пустыни нельзя было найти точки опоры для каких-либо измерений. Они сознавали, что подвергаются очень большому риску.

Участники экспедиции на самой южной точке земного шара.

Однако, и на следующий день буря не унималась, и им пришлось провести целый день в спальных мешках, с сильной болью в руках и ногах. Голод становился все ощутительнее и настроение духа было самое мрачное. В палатку набилось столько снега, что в ней едва можно было двигаться. То один, то другой начинал жаловаться на потерю чувствительности в ноге и тогда остальные товарищи немедленно бросались к нему на помощь, стараясь согреть ему ногу и восстановить в ней кровообращение. К вечеру ураган начал стихать, и в четыре часа утра, 9-го января, немного поев, они вышли из лагеря, взяв с собою только флаг, медный цилиндрический ящик с печатями и документами, фотографический аппарат, подзорную трубу и компас.

Путешественники старались идти как можно быстрее, временами они даже просто пускались бегом. К девяти часам утра они достигли $88^{\circ} 23'$ южной широты, на высоте 3.537 метров. Развернув флаг они воткнули его, и он, водруженный на самом южном пункте, достигнутом людьми развевался от ледяного полярного ветра. Далее, к югу, не было видно ни малейшей перемены в поверхности плоскогорья. Перед ними простиралась все та же однообразная белая пустыня. Южный полюс, по всей вероятности, находится посреди этого огромного плоскогорья, где свирепствуют холод и бури.

Путешественники оставались только несколько минут на этом месте. Медный цилиндр с документами был положен возле флага, затем, с'ев свой скудный завтрак, они пустились в обратный путь, на север!

По счастью следы их не были замечены бурей и к трем часам они уже пришли в лагерь. Конечно, южного полюса они не могли достигнуть, но идти дальше, значило бы подвергать себя страшной опасности. И они оставили флаг развеваться на расстоянии 179 километров от полюса!

Но бедствия еще не кончились. Им оставалось пройти еще длинное расстояние, отделявшее их от зимней стоянки, от товарищей, которые их ожидали там. Когда они отправлялись оттуда в свое далекое, трудное путешествие 2¹/₂ месяца тому назад, то были полны сил и надежд на его благополучный исход. Они имели с собой обильный запас провизии и смело смотрели в будущее, бодрые и уверенные в победе. Теперь было не то. Отправляясь в обратный путь, они не только были удручены тем, что не могли достигнуть цели и что их ожидания и надежды не сбылись. Они ослабели от перенесенных лишений, и борьба с суровой природой и воздвигаемыми ею препятствиями становилась для них труднее. Они знали, что жизнь их зависит теперь от нескольких скудных и редких запасов провизии, оставленных ими на пути, и от быстроты возвращения. Надо было во что бы то ни стало двигаться вперед, как ни было трудно идти, надо было напрягать все свои силы, чтобы не погибнуть в этой ледяной пустыне. Поэтому, добравшись до лагеря, они, не отдыхая, отправились дальше. Однако, все же они могли пройти не больше двух часов и настолько выбились из сил, что около пяти часов вечера должны были остановиться на отдых. К счастью для них, вьюга хотя и повалила шести, которые они расставили, чтобы заметить дорогу к складу, но не замела следов саней, и поэтому они не могли заблудиться.

«У нас словно камень свалился с души,—говорит Шекльтон,—когда мы, наконец, увидели склад! Ведь в самом деле, какой мы подвергались опасности! Ничто, кроме следа саней, не указывало нам дороги среди этой огромной, белой равнины. Что, если бы их замело снегом?...»

ГЛАВА V.

Обратный путь.—Снова на «Великой ледяной преграде».—«Жизнь похожа на кошмар!»—От одного склада к другому.—Следы на снегу.—Они большо не одиноки.—Жребий.—Обильный обед.—Корабля не видно!—Тяжелое разочарование.—Ужасная ночь.—Наконец-то!—Приключения других членов экспедиции. — Концерт для пингвинов. — Открытия, сделанные экспедицией.

Южный ветер, который раньше дул им прямо в лицо и препятствовал их движению к полюсу, теперь сослужил им службу. Он точно гнал их назад, и они двигались гораздо быстрее, чем могли ожидать. Поставив на санях, вместо паруса, полотно от палатки, они временами просто мчались, подгоняемые ветром, по направлению к северу. Но у Шекльтона разболелись от мороза ноги, сделались пузыри на пятке и на пальцах, и, конечно, такое быстрое движение причиняло ему немалые страдания. Однако, останавливаться было нельзя. Отыскав склад провизии, оставленный на снежной равнине, они также быстро отправились к другому складу, оставленному ими на вершине ледника. Теперь они не останавливались даже во время вьюги, так как ветер дул им в спину. Но при таких условиях очень трудно было находить прежние следы.

Отчаянное положение, в котором находились путешественники, заставляло их пренебрегать всякими предосторожностями, и они с невозможной быстротой двигались через все места, изрезанные трещинами. Надо было всем рисковать, чтобы

добраться до склада. Во многих местах снег исчез и повсюду блестел синий лед, скользкий как гладкое стекло. День ото дня дорога становилась хуже. Приходилось сани прямо спускать по ледяным склонам, удерживая их на длинной веревке, и они скатывались вниз, точно какой-нибудь тюк.

В нижней части ледника их ожидала другая беда: там лежал глубокий слой снега, закрывавший все трещины, куда легко было провалиться. Единственное, что облегчало путешественников, было то, что становилось теплее и они уже перестали так сильно страдать от холода. 23-го января мороз был только $10\frac{1}{2}$ градусов и им казалось даже, что было тепло, так как светило солнце. Но прежде чем они достигли склада, устроенного у подножия ледника, они страшно измучились и наголодались. Провизия у них вся вышла и они поддерживали себя только чаем и какао. Они даже не могли дойти до склада и остановились на расстоянии полумили от него. Выбившись из сил, трое из них остались, только Маршалль еще оказался настолько крепким, что мог пройти это расстояние и принес из склада немного пищи товарищам.

Вот что пишет об этом переходе Шекльтон в своем дневнике: «Нам пришлось еще уменьшить свою ежедневную порцию и довольствоваться только четырьмя сухарями и двумя чашками очень жидкого рагу из лошадиного мяса. Но скоро и этого не стало, и могли завтракать только маисом, едва размоченным в воде. Больше у нас ничего нет. И при таком питании нам приходится тащиться по рыхлому снегу, зачастую среди целого лабиринта трещин, скрывающихся под снегом. Каких невероятных усилий стоит нам удерживать наши сани, чтобы они не провалились в пропасть! От времени до времени мы делаем короткую остановку, чтобы подкрепить себя чашкой чая с солью и перцем за неимением чего-либо другого. Последний переход мы сделали,

не имея во рту твердой пищи больше суток! Неудивительно, что мы не могли дотащить до склада и сделали привал раньше, а Эдемс упал в обморок, совершенно выбившись из сил»...

28-го января они спустились к подножию ледника и добрались до «Великой ледяной преграды». С какою радостью они ее приветствовали! Наконец то, они вырвались из проклятого ледника, где странствовали так долго, выбиваясь из сил. Приятно было очутиться снова в знакомой местности. Но злоключения их еще далеко не кончились. У самого конца ледника опять началась вьюга и такая сильная, что на расстоянии пяти метров уже ничего нельзя было разглядеть. Итти по леднику, сплошь изрезанному трещинами, было очень опасно, но выжидать улучшения погоды тоже было нельзя. Провизии оставалось слишком мало. И вот они пустились в путь, несмотря на снежный ураган. На этот раз счастье им благоприятствовало и они миновали благополучно все трещины. Чтобы отметить дорогу, по которой надо было итти, возвращаясь назад, они делали раньше на месте каждой остановки снежные холмики. И теперь эти холмики оказали им большую услугу. Они очень обрадовались, найдя 31-го января первый из этих холмиков, указавший им, что они идут по правильному пути.

Температура была всего $2\frac{1}{2}$ градуса ниже нуля, и после перенесенных ими морозов путешественники ощущали теперь приятную теплоту.

«Преграда» встретила путешественников очень недружелюбно. Опять поднялась такая вьюга, что скоро путешественники выбились из сил и принуждены были остановиться, и на другой день им пришлось потратить три четверти часа, чтобы освободить свою палатку из-под снега. Погода стала лучше, но зато положение путешественников ухудшилось. По всей вероятности, провизия в одном из складов была попорчена, и, употребив ее в пищу, они все заболели кровавым поносом, что окончательно по-

дорвало их силы. В довершение несчастья, у них вышли все лекарства. Пришлось питаться только сухарями и воздерживаться от лошадиного мяса, которое, вероятно, и было причиной болезни.

Между тем дорога становилась все тяжелее; рыхлый, сыпучий снег и белый рассеянный свет, при котором нельзя ничего ясно разглядеть! 4-го февраля Шекльтон написал в своем дневнике: «Ночь не принесла нам желанного облегчения. Мы все изнурены болезнью. Ужасный день. Я не в состоянии больше писать. Мы не можем двигаться дальше, сил нет! Положение становится опасным».

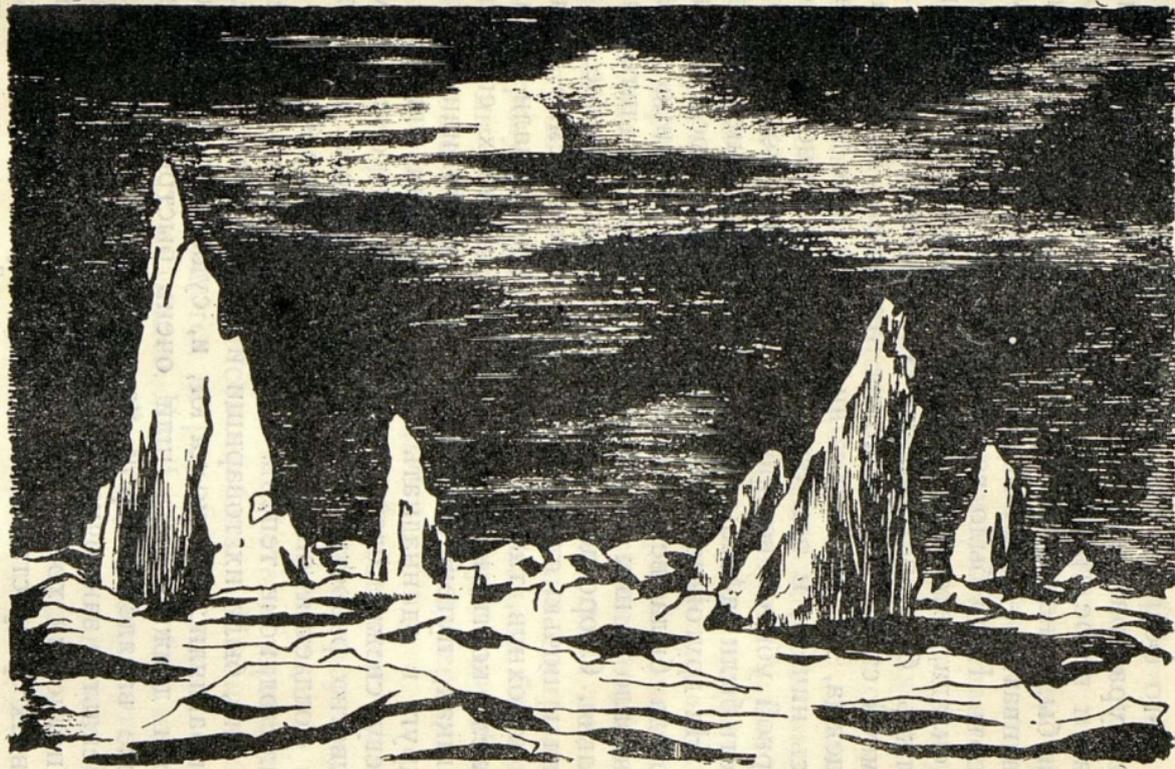
Однако, они все же тронулись в путь на следующий день, но, по словам Шекльтона, «жизнь стала похожа на кошмар!» Все мысли и разговоры путешественников вертелись только около еды. Ни о чем другом они не могли думать. Вся их пища в эти тяжелые дни заключалась только в пяти сухарях и полчашке теплой пищи, а в последний день, перед тем как добрались до склада, они с утра уже ничего не ели, потому что провизия вся вышла.

В этом складе было спрятано мясо первой лошади, убитой по пути к полюсу. Из ее печени они приготовили себе обед, и им казалось, что они никогда не ели ничего вкуснее этого. Они даже собрали все крошки мяса, оставшиеся тут от обеда, который они ели в ноябре. Разыскивая эти остатки, Шекльтон нашел какую-то глыбу красного цвета. Оказалось, что это была лошадиная кровь, затвердевшая вследствие мороза. Недолго думая, они тотчас же откололи кусок этой глыбы и приготовили из нее бульон, которым не могли нахвалиться.

Захватив все лошадиное мясо и сухари, они отправились дальше к следующему складу, до которого надо было пройти еще 144 километра. Приходилось, следовательно, экономить провизию. Их пища состояла в день из двух чашек чая, чашки очень жидкого какао, неполной чашки рагу из лошадиного

мяса и четырех сухарей. Поэтому они были голодны и всегда видели во сне накрытый стол и какие-нибудь кушанья. После таких сновидений они просыпались еще голоднее, чем обыкновенно. В день рождения Шекльтона, 15-го февраля, ему поднесли в подарок сигаретку, сделанную из табаку, употребляемого для трубок, и завернутую в толстую оберточную бумагу, но и такую было приятно выкурить после долгого лишения, и Шекльтон был очень доволен.

Несмотря на крайнее истощение сил и голод, путники все-таки подвигались вперед. Провизии хватало только от склада до склада, и обыкновенно, в последний день, когда они должны были достигнуть склада у них уже ничего не оставалось, и они голодали. Мысль о том, что теперь они все-таки приближаются к «дому», поддерживала их. Дойдя до склада, они с нетерпением принимались доставать провизию. Большую радость доставили им найденные в одном из складов пеммикан, сухари и компот из фруктов. Это было приятным сюрпризом. Они забыли о том, что эти лакомства были у них заготовлены для праздника рождества, но они оставили их, когда двинулись к южному полюсу. Большое удовольствие доставил также табак, который был спрятан в складе. Словом, в день прибытия к складу они устроили настоящий пир, а на другой день снова началось полуголодное существование и тревожные мысли о том, найдут ли они еще один, последний склад провизии на указанном месте? Шекльтон, перед своим отправлением в путешествие, поручил устроить этот склад. Товарищи его должны были свезти туда провизию, и на обратном пути Шекльтон рассчитывал найти там запас пищи, достаточный для поддержания сил экспедиции на весь остальной путь. В противном случае они не могли бы дойти до зимней стоянки и им угрожала голодная смерть. Шекльтон отгонял от себя тревожные

Южно-полярный пейзаж при лунном свете.

мысли. Конечно, это было сделано, утешал он себя, и в назначенном месте они найдут пригволенные для них запасы.

21-го февраля поднялась страшная вьюга и температура сразу понизилась до—37°. При таком морозе и ветре трудно было идти, и в другое время они бы, конечно, переждали бурю. Но теперь оставаться, — значило бы обрекать себя на верную смерть. Надо было во что бы то ни стало добраться до склада, который оставшиеся товарищи Шекльтона должны были устроить в 112 километрах к югу от зимней стоянки. Только на этот склад и оставалась надежда, потому что у них совсем уже не оставалось ничего, и они ели мясо, соскобленное с костей первой убитой во время путешествия лошади. Эти кости были найдены ими на одной из прежних стоянок.

На другой день, наконец, им улыбнулось счастье. Погода была великолепная и яркое солнце подействовало на них ободряющим образом. Медлить было нельзя. Скоро должно было наступить худшее время года и ночью становилось уже совсем темно. Почти не отдохнув, так как они страшно исхудали и у них болели кости, когда они лежали в своих спальных мешках, путешественники рано выступили в путь. Вдруг, в одиннадцать часов утра, они увидели на снегу свежие следы четырех человек с собаками. Чувство радости, которое они испытали при этом, не поддается описанию. Ведь они уже больше не были одиноки теперь! Где-то, может быть, недалеко от них, были их товарищи и помощь близка! Следы направлялись прямо на юг, и, судя по длине шагов, люди должно быть шли очень быстро. На снегу даже валялся окурок папиросы. По этим следам Шекльтон заключил, что провизия отнесена к складу у подножия холма, по его собственному указанию. У всех сразу стало спокойнее на душе: теперь можно было не сомневаться, что они найдут склад на определенном месте.

Путешественники отправились по этим свежим следам и скоро увидели валявшиеся на снегу пустые коробки из-под консервов. Очевидно, маленький отряд останавливался тут завтракать. Осмотрев эти коробки, Шекльтон увидел, что это были не те консервы, которые находились в запасах на зимней стоянке. Очевидно, это были новые консервы, привезенные кораблем, и Шекльтон заключил из этого, что «Нимрод» уже вернулся к лагерю и привез свежие запасы. Мысль о скором возвращении на родину наполнила радостью сердца измученных людей.

Само собою разумеется, что изголодавшиеся путешественники тщательно обыскали места стоянки отряда, рассчитывая найти какие-нибудь остатки завтрака. Действительно, они нашли три маленьких кусочка шоколада и обломок сухаря. Тотчас же решено было бросить жребий, и Шекльтону достался обломок сухаря! Он сознается что в первый момент почувствовал бешеную злобу против своих более счастливых товарищей. «Вот какими мы стали детьми! говорит он. — Из-за кусочка пищи наше настроение могло сразу испортиться. Рассчитывая на близость склада, мы съели все остатки нашей провизии. У нас уже больше нет ничего, и если мы не доберемся до склада, то нас ожидает гибель!»

На другой день погода также благоприятствовала им, и они вышли из лагеря в седьмом часу утра. К одиннадцати часам Уильд вдруг крикнул, что он видит склад. Действительно, вследствие отражения в воздухе склад казался совсем близко. Можно было видеть, как развеваются ветром флаги, точно призывая голодных путников. В той стороне был виден, кроме того, какой-то яркий блеск. Когда путешественники подошли к складу, то увидели, что жестянка с сухарями была нарочно положена так, чтобы отражать солнечные лучи. Склад был устроен на снежном холмике, вышиной в десять футов, и кругом него были расставлены три флага. Шекльтон тотчас

же взобрался на холм и оттуда стал перечислять товарищам разные вкусные вещи, которые он нашел там. Прежде всего он скатил вниз жестянку с сухарями, потом ящик с разными лакомствами. Там были: чернослив, яйца, печенье, плум-пуддинг, хлеб, фрукты в сахаре и жареная баранина! Это был настоящий пир после долгих месяцев лишений. Однако, им надо было соблюдать большую осторожность, так как желудок их отвык от обильной пищи. Но они удерживались с трудом. В этот день они состряпали себе настоящий обед. Кроме того, они нашли в складе письмо, уведомлявшее их о прибытии «Нимрода», следовательно, надо было торопиться поскорее добраться до зимней стоянки, так как они рисковали уже не застать судна, которое не могло оставаться долго. Между тем, Маршалль почувствовал себя настолько плохо, что не в состоянии был идти. Тогда Шекльтон решает оставить Маршалля в лагере, под присмотром Эдемса, а сам вместе с Уильдом, отправляется форсированным маршем к берегу, где по его предположению должен был находиться корабль.

Это последнее путешествие Шекльтона было также не из легких. Дойдя до края «Великой ледяной преграды», они вдруг почувствовали, что лед колеблется под их ногами. У них мелькнуло опасение, что они попали на льдину, которая может унести их в море. Тогда Шекльтон решил бросить сани и налегке добраться скорее до хижины. Время теперь было дороже всякого провианта.

Они карабкались по снеговым склонам и через ледниковые трещины, и, наконец, им удалось взобраться на скалу, откуда видно было открытое к северу море. Но корабля нигде не было видно! Сильно билось сердце у путешественников. Там, странствуя в ледяной пустыне, они иначе представляли себе свое возвращение. Неужели они опоздали и корабль ушел? Они теперь могли разглядеть хижину и бухту, но нигде не видно было «Нимрода». Из трубы хи-

жины не струился дымок и не видно было никаких признаков жизни!

Зловещее предчувствие овладело ими, когда они спускались по направлению к хижине. Там, действительно, никого не было. Но они нашли письмо, в котором сообщалось, что все экспедиции вернулись благополучно и не хватает только Шекльтона с товарищами. «Нимрод» отправился к подножию ледника и там должен был оставаться до 26 февраля. Но когда Шекльтон вернулся, было 28 февраля. Можно себе представить, какие тревожные чувства должны были волновать его! Ведь если корабль ушел, то положение его и тех, которые остались на «Великой ледяной преграде», станет очень серьезным.

Однако, голод отвлек Шекльтона и Уильда от этих печальных размышлений. В хижине были сестные припасы, и они воспользовались ими, чтобы смастерить себе обед. Наступила темнота, и о дальнейших поисках нечего было и думать. Но спать они не могли. У них не было спальных мешков, они оставили их на санках, а в хижине было очень холодно. Они нашли кусок толя, которым была обита крыша, и завернулись в него, чтобы хоть немного защитить себя от холода. Вдруг им пришло в голову, что не худо бы поджечь будку для магнитных наблюдений. Огонь увидели бы с корабля и узнали бы, где они находятся. Но им не удалось зажечь будку.

Так прошла ночь. Они обрадовались, когда начало светать, и тотчас же снова принялись зажигать будку. Наконец, она загорелась ярким пламенем и, о счастье!— они увидели вдали очертания корабля. Вскоре они могли обменяться с ним сигналами и к одиннадцати часам утра уже были на судне, в кругу своих обрадованных товарищей.

Экспедиция Шекльтона опоздала своим возвращением, и поэтому все опасались, не случилось ли с ним несчастья. Корабль отправился на розыски.

Утром, в день возвращения Шекльтона, капитан «Нимрода» начал всматриваться в берег и вдруг увидел какие-то две движущиеся точки на льдине. Это и были Шекльтон и Уильд.

Шекльтон не долго оставался на корабле. Подкрепив свои силы, он тотчас же отправился за больным Маршаллем, не обращая внимания ни на усталость, ни на то, что он не спал целые сутки. Надо было спасти товарища, а это было главное. Еще полторы суток мучительного путешествия по неровному льду «Великой ледяной стены», и, наконец, как раз, когда снова поднялась снежная вьюга, маленькому отряду удалось добраться до зимней стоянки, где они и уложили больного Маршалля в постель, дав сигнал кораблю, что они вернулись.

Отдых принес больному пользу. На другой день ему стало лучше, и как только буря улеглась, они, все вместе, перебрались на корабль, который тотчас же вслед за тем отплыл в Новую Зеландию.

Встретившиеся после долгой разлуки товарищи рассказывали друг другу свои приключения. Все члены экспедиции были налицо, никто не погиб, но многие из них подвергались очень серьезным опасностям во время экскурсий, сделанных с разными научными целями. Во время отсутствия Шекльтона, когда он отправился в свое трудное путешествие к южному полюсу, из лагеря были снаряжены две экспедиции. Одна, под начальством профессора Дэвида, имела целью открытие южного магнитного полюса, что ей и удалось сделать. Но на обратном пути к зимней стоянке она оказалась отрезанной от нее ледоходом. Можно было опасаться, что этой экспедиции не удастся выбраться на твердую почву и что она будет окружена открытым морем. Шекльтон, перед своим уходом, сделал распоряжение, чтобы «Нимрод» отправился на розыски вдоль берега в случае, если эта экспедиция не вернется к сроку. Так и было сделано. Но корабль прошел мимо берега и

ничего не заметил, и только, когда он возвращался назад к зимней стоянке, зоркие глаза стоящего на вахте открыли маленький лагерь. Счастливая случайность спасла Дэвида и его товарищей. Один из них, впрочем, чуть не поплатился жизнью в последний момент. От радости, что видит корабль, он сделал неосторожное движение и провалился в трещину. Пришлось бежать к берегу и звать на помощь матросов с «Нимрода». К счастью они подоспели во время и вытащили упавшего.

Большой опасности подвергся также разведочный отряд из трех человек, отправившийся для геологических исследований в горах. На обратном пути отряд расположился на льдине, которая ночью оторвалась от берега и, когда они утром проснулись, то увидели, что кругом них вода. Целый день льдина плавала по заливу, и положение их казалось безнадежным, так как все их запасы остались на берегу. Ни на чью помощь они не могли рассчитывать, и им оставалось только положиться на судьбу и надеяться, что течением их опять прибьет к твердому береговому льду. Действительно, около полуночи их прибило к берегу и, конечно, они не стали медлить ни минуты и тотчас же перескочили на твердый лед. А льдина, увлекаемая течением, уплыла в открытое море.

С отрядом, который отправился с естественными припасами, тоже было несколько приключений, которые могли окончиться печально. Большим испытаниям подверглись также Пристлей, Мюррей и Джойс, отправившиеся на Эребус. По дороге их застигла вьюга. Они уже расположились на ночлег и залезли в свои спальные мешки, когда разразилась буря. Пристлей лег не в палатке, а снаружи, когда еще ураган не начинался: заслышав свист ветра, товарищи его очень встревожились и, высунувшись из палатки, окликнули Пристлея, но он успокоил их. Буря продолжалась три дня и эти три дня они должны

были провести в палатке. Они лежали в спальни
мешках и там было довольно тепло, но они не мог
приготовить себе пищи и должны были питаться су
хими сухарями и пеммиканом. Жажду они утоляли
тем, что брали снег, собиравшийся в палатке, и так
долго катали его в руках, пока он не превращался
в плотный шарик, который они сосали. Больше все
го они беспокоились о своем товарище Пристлее и
несколько раз высовывались из отверстия палатки
и окликали его. Он неизменно отвечал им, что все
в порядке. В самом начале вьюги они передали ему
кое-что из запасов, но, как они потом узнали, он не
мог ничего есть, потому что его мучила жажда.
Ураган свирепствовал с такой силой, что нельзя
было сделать ни шагу из палатки. Снег залеплял
глаза и тотчас же обращался в плотную ледяную
массу, так что раскрыть глаза было невозможно.
Когда на третий день они не получили на свой окрик
никакого ответа от Пристлея, то очень испугались
и, воспользовавшись минутным перерывом бури,
отправились его разыскивать. Им удалось ползком
добраться до него и, чтобы не сбиться с пути, они
держались направления ветра. Пристлей подвергался
очень большой опасности быть засыпанным снегом
или скатиться со склона горы. Но он счастливо из
бежал и того и другого. Когда товарищи отыскали
его, они решили уже не разлучаться. Но палатка
была рассчитана только на трех человек, а их было
пятеро. Можно себе представить, как им было удобно!
Они с'ежились насколько возможно и лежали в этой
палатке точно сельди в боченке. О сне, конечно, не
чего было и думать. Лишь только мятель немного
улеглась, они тотчас же пустились в обратный путь,
так как были признаки, указывающие, что буря дол
жна возобновиться. Поэтому они очень торопились
и на этот раз благополучно достигли зимней стоянки.

Члены экспедиции, остававшиеся летом в лагере
и не предпринимавшие продолжительных экскурсий,

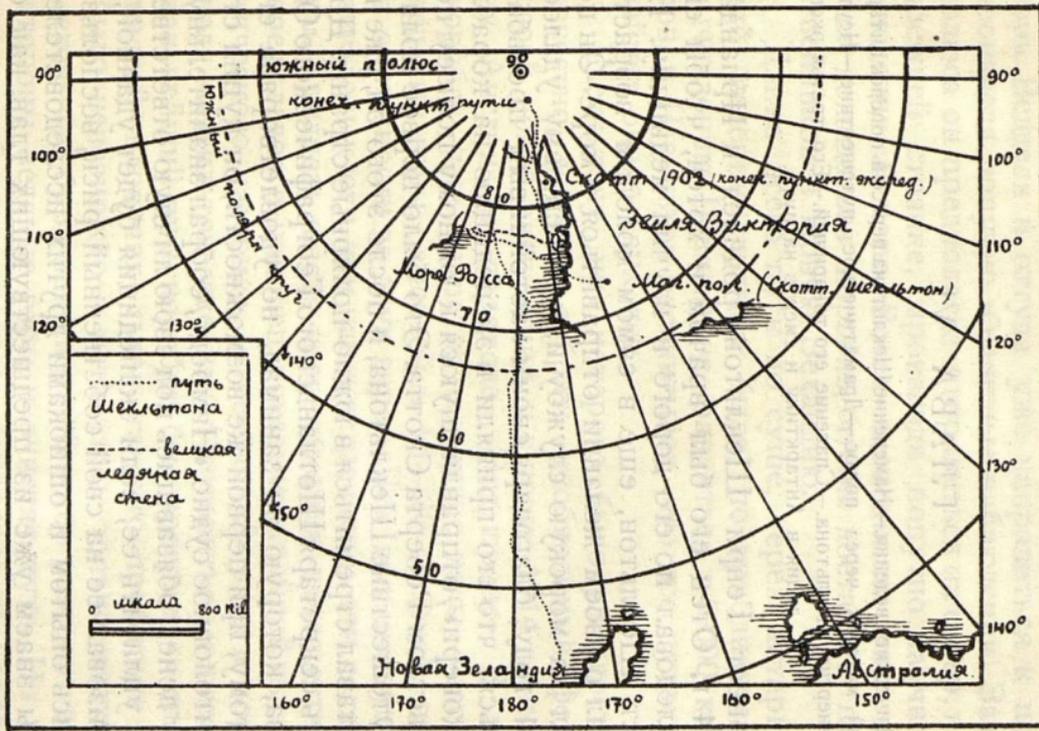
посвящали свое время научным занятиям. Они сделали много интересных наблюдений над жизнью полярных животных, преимущественно пингвинов, гнезда которых находились возле лагеря и доставляли обитателям свежие яйца, что вносило некоторое разнообразие в их завтраки и обеды. Пингины обнаруживали большое любопытство и не пугались близкого соседства людей, поэтому с них можно было легко делать фотографические снимки. Иногда, потехи ради, устраивался концерт для пингвинов, заводили граммофон, и смешно было смотреть, с каким интересом толпа пингвинов прислушивалась к незнакомым звукам, раздававшимся в полярной пустыне.

Несмотря на все лишения, трудности и опасности, перенесенные путешественниками, они все сошлись на корабле к моменту его отплытия. Никто не остался в полярной пустыне навсегда и никого не пришлось оплакивать. Экспедиция вернулась домой вполне благополучно и привезла с собой чрезвычайно ценный и интересный материал научных наблюдений. Одно только огорчало Шекльтона — что он все-таки не мог добраться до полюса.

Экспедиция открыла неизвестные до сих пор южно-полярные земли и установила, что «Великая ледяная преграда» окаймлена горами на юго-востоке и что южный полюс лежит на возвышенном плоскогорье, куда ведет огромный ледник. Кроме того, геологические исследования и находка пластов каменного угля указывали, что в этой полярной пустыне, закованной льдами, был некогда жаркий климат и она была покрыта лесами. Экспедиция профессора Дэвида открыла южный магнитный полюс, т. е. место на земном шаре, в котором сосредоточивается сила магнитного притяжения земли и где стрелка компаса остается неподвижной и не отклоняется ни в какую сторону, а если ее прикрепить к горизонтальной оси, то она наклонится вертикально к земле. Таких центров на земном шаре (который

мы можем рассматривать как огромный магнит), — два: один у северного полюса, другой у южного.

Важные открытия были сделаны и в области животной жизни южно-полярных стран. Море оказалось очень населенным. Любопытные опыты были произведены над микроскопическими животными — коловратками, которые могли выдерживать очень низкую температуру и не погибали. Таким образом, эти области, покрытые льдами и, казалось, представляющие безмолвную и безнадежную пустыню, являются обширным и интересным полем для исследований всякого рода и, конечно, будут продолжать привлекать к себе ученых, не пугающихся ни опасностей, ни лишений, когда дело идет о том, чтобы расширить область человеческих знаний.

Карта путешествий Шекльтона.

ГЛАВА VI.

Биографические сведения.—Намерение Шекльтона пересечь поперек антарктический материк через полюс.—Драматическое путешествие.—Неутомимая энергия Шекльтона.—Спасение его товарищей.—Его третья экспедиция в Антарктику и смерть на пути.

Эрнест Генри Шекльтон родился в Ирландии в 1874 г. Отец его был врачом и хотел, чтобы его сын следовал по его дороге и изучил медицину. Но Эрнест Шекльтон, еще в самом молодом возрасте, заявлял о своем желании отправиться в море. Он поступил на морскую службу и, наконец, ему удалось в 1901 году, благодаря своим настойчивым просьбам, добиться, что его приняли в экспедицию на корабле «Дискавери», отправляющуюся к южному полюсу под начальством Роберта Скотта. Это было первое полярное путешествие Шекльтона, и после этого он уже не переставал стремиться в южно-полярные страны. Должность секретаря Шотландского Географического Общества, которую он занимал, не удовлетворяла его, и поэтому, при первой же возможности, он купил старое китоловное судно «Нимрод», собрал значительную сумму денег, обязавшись под свою личную ответственность уплатить ее, если экспедиция будет удачной, и организовал ее на свой собственный риск, воспользовавшись опытом и ошибками других исследователей.

Мы знаем уже из предшествующих глав, как он выполнил эту задачу, но его экспедиция, сделавшая очень много важных открытий, все-таки не достигла южного полюса. Это было сделано двумя другими путешественниками,—Амундсенем и Скоттом. Тог-

да Шекльтон задумал другую экспедицию: поставил своей целью пересечь через полюс весь антарктический материк. План его состоял в следующем: он хотел высадиться с несколькими своими спутниками на берегу антарктического материка со стороны моря Ведделя и оттуда уже направиться к полюсу, производя попутно магнитные наблюдения. Затем от полюса он предполагал отправиться на север, к своей прежней стоянке, производя попутно научные наблюдения. В море Росса экспедицию уже должен был дожидаться корабль, чтобы доставить путешественников в Новую Зеландию.

Длина всего пути по суше, через антарктический материк, должна была, по приблизительному вычислению Шекльтона, равняться в 3.000 километров, и Шекльтон рассчитывал, что все путешествие займет около двух лет.

Шекльтону, имя которого было уже достаточно известно, удалось собрать необходимый фонд для своей новой экспедиции, и в конце 1914 г. он выехал из Англии на пароходе «Эндьюранс». В декабре корабль уже встретил пловучие льды, — настоящие ледяные горы, высотой в 15—20 саженей, имевшие в окружности до двух верст. Чем дальше судно подвигалось к югу, тем чаще встречались эти ледяные горы. Тридцать шесть часов плавали путешественники среди льдов, и, наконец, показался крайний мыс антарктического материка, отмечающий вход в море Ведделя. Шекльтон уже начал готовиться к высадке, но дальнейший путь кораблю был прегражден сплошной массой пловучих льдов, так что пробиться вперед было невозможно и оставалось только ждать, в надежде, что буря или сильный ветер разгонят в разные стороны ледяные горы и очистят путь. Но надежда эта не сбылась, морозы усилились, и корабль был затерт льдами. Путешественники были обречены на зимовку среди пловучих льдов, что было самое опасное. В середине зимы (это было в половине июня)

они почувствовали первые толчки под огромным ледяным полем, в котором застрял корабль. В течение нескольких месяцев несчастные путешественники не имели ни одной минуты покоя. Лед трещал, ломался, и льдины сползали одна на другую. На корабле, от натисков льда образовалась течь, и приходилось все время откачивать воду. Наконец, напор льда достиг такой силы, что судно было выкинуто льдом на поверхность. «Оно легло на бок, как смертельно раненое животное, менее чем в десять минут времени», — написал Шекльтон в своем дневнике.

Судьба корабля была решена. Шекльтон отдал приказ перенести на лед лодки, сани и запас провианта. Все участники экспедиции перешли на лед, но и тут опасность была не меньше. Каждую минуту можно было ожидать, что льдина, на которой приютились несчастные путешественники, будет раздавлена. Вскоре им даже пришлось спешно все перенести на другую льдину, так как та, на которой они находились, треснула со страшным грохотом.

Экспедиция очутилась в ужасном положении вследствие гибели судна, так как расстояние до ближайшего порта Южной Америки было более 2.000 километров, а у них было только три шлюпки. По расчету Шекльтона на расстоянии 600 километров должен был находиться остров Поле, где ничего нет, кроме обширной колонии пингвинов, но для потерпевших крушение это было важно, так как могло спасти их от голодной смерти.

Через два дня после того, как корабль был раздавлен льдами и потонул, Шекльтон и его товарищи отправились по ледяному полю к этому острову; они тащили лодки, а собаки тащили сани, нагруженные припасами. Итти по неровному ледяному полю было страшно трудно и приходилось употреблять почти нечеловеческие усилия, чтобы перетаскивать через большие глыбы тяжелые шлюпки. В первый день они могли пройти только две версты и едва держались

на ногах. Дальше продолжать такое путешествие было невозможно, и потому решено было расположиться лагерем на льдине и ждать, куда принесет ее течением.

Это ужасное путешествие продолжалось несколько месяцев. Постепенно съели всех собак, и вскоре пришлось сократить порции пищи. Но ледяной плот, на котором они находились, начал таять все более и более. В апреле Шекльтон спустил лодки на воду и путешественники спустились в море, рискуя быть раздавленными плавающими льдинами. Положение стало очень опасным, когда поднялась буря. Они с трудом добрались обратно до большой льдины и снова вынуждены были высадиться на нее. Когда буря стихла, они снова пустились в море и в течение 36 часов непрерывно гребли, почти выбиваясь из сил. Шекльтон хотел достигнуть острова Разочарования, на котором норвежские китоловы устроили свою станцию, но до него было далеко и ехать дальше было невозможно, поэтому он направился к Слоновому острову. Этот остров был близко, но добраться до него нелегко, потому что опять разразился шторм. Брызги воды, падая на лодки, замерзали и покрывали их ледяной корой, так что приходилось то и дело сбивать эту кору для того, чтобы лодки не погрузились в море.

Когда, наконец, после невероятных усилий им удалось выбраться на берег, положение их казалось почти безнадежным. У них оставалось провизии не более, как на пять недель, а впереди была страшная полярная зима. Китоловы, посещавшие эти острова, конечно, давно уже покинули эти места, и ожидать их возвращения можно только было с наступлением лета, следовательно, в ближайшем будущем путешественникам грозила смерть от голода. Поэтому Шекльтон решил тотчас же отправиться с пятью добровольцами в открытой лодке через океан, к острову Южная Георгия, где были постоянные станции норвежских китоловов. Для этого надо было переплыть расстояние

в 1.280 километров по бурному морю и в маленькой шлюпке, но Шекльтон не остановился перед грозной опасностью и отправился 24 апреля 1915 года в свое опасное плавание, надеясь достигнуть этого острова и тотчас же попытаться организовать там помощь своим товарищам, оставшимся на Слоновом острове.

Когда эти смельчаки от'ехали от острова, поднялась буря, которая не ослабевала почти две недели, и страдания, которые пришлось перенести путешественникам во время этого плавания, даже трудно себе представить! Но цели они все же достигли и 8 мая увидели на горизонте остров Южная Георгия. На другой день, когда берег казался уже близким, разразился шторм, и лодку понесло с страшной быстротой в буруны. Гибель казалась неизбежной, но вдруг ветер переменял направление и отнес лодку в другую сторону. Наконец, 10 мая Шекльтону удалось достигнуть небольшой защищенной бухты.

Можно себе представить радость несчастных, измученных путешественников! Но испытания их еще не кончились. Норвежские китоловные станции находились на противоположной стороне острова, и чтобы добраться к ним, надо было об'ехать остров кругом. На море же все время свирепствовала буря, и пускаться в плавание в такую погоду было настоящим безумием. Тогда Шекльтон решил, не теряя времени, идти пешком через остров. Надо было пройти сорок восемь километров по сплошным горам и ледникам, но это не остановило Шекльтона. С ним пошли двое самых крепких из его спутников, захватив с собой провизии на три дня. Целых тридцать шесть часов продолжалось это тяжелое путешествие, так как надо было перебраться через высокие горы и огромные ледники. Наконец, 20 мая, под вечер, они достигли поселка китоловов.

Это было спасение. Радость их была велика, но они не забыли своих товарищей, и Шекльтон немедленно рассказал о бедственном положении, в ко-

тором находились 22 человека, оставленные им на Слоновом острове. Он просил дать ему один пароход для их спасения. Нарвежцы тотчас же исполнили его просьбу, и Шекльтон 23 мая отправился за своими товарищами, но, увы, южно-полярная зима уже вступила в свои права, и так как китоловное судно, данное ему, не обладало достаточной крепостью, чтобы пробиться через лед, то он не мог подойти к Слоновому острову—льды всюду преграждали ему путь!

Шекльтон был в отчаянии. Он знал, что припасы уже должны были подойти к концу, и его товарищам грозила неминуемая гибель, если им не будет оказана помощь в самом скором времени. А он был близко от них, но не мог помочь им! Однако, такой человек, как Шекльтон, не мог признать себя побежденным. Он попросил норвежцев доставить его на Фалкландские острова, оттуда переехал в Южную Америку и выхлопотал у правительства Уругвайской республики ледокол, на котором, не теряя ни одного дня, тотчас же опять направился в Антарктику. Однако, и эта попытка окончилась неудачей. Тем не менее, ничто не могло сломить его энергии. Он продолжал свои попытки. В Южной Зеландии, куда он отправился, находился другой корабль «Аврора», который принадлежал к его же экспедиции и отправился к южному полюсу одновременно с «Эндьюрансом». Но «Аврора» должна была направиться в море Росса, а «Эндьюранс» — в море Ведделя. Таким образом, оба корабля отделились друг от друга, «Эндьюранс» погиб, но «Аврора» добралась в Южную Зеландию, и только часть людей была задержана зимой на острове Росса. В Южной Зеландии правительство починило судно и собиралось отправить его в спасательную экспедицию, но отказалось предоставить Шекльтону командование его же собственным кораблем, отправлявшимся разыскивать участников его же экспедиции. Однако, Шекльтона это не остановило, и он согласился отправиться на своем же корабле в качестве

простого матроса, так как думал только о спасении своих товарищей. В конце концов его усилия увенчались успехом, и все его товарищи, оставленные на Слоновом острове оказались живы и были спасены.

Два года после того Шекльтон, в качестве офицера, заведывал снабжением британских морских сил действовавших в Белом море и в Северной России, а затем занялся чтением лекций о своей последней экспедиции, чтобы получить возможность расплатиться со своими долгами. Когда же, наконец, избавился от них, то снова испытал непреодолимое стремление в полярные страны и решил совершить новое путешествие в Антарктику. Щедрость друзей избавила его на этот раз от финансовых затруднений, и со всех сторон собрались к нему его старые товарищи, готовые пуститься с ним в путь. В сентябре 1920 года он отплыл на корабле «Квест». Это было его последним путешествием. Ему было только 47 лет, но, несмотря на его беспримерную энергию, силы его все таки были надорваны. 5 января 1922 года он внезапно умер на корабле «Квест» в Южной Георгии, на пути к своей заповедной цели, на пороге южно-полярной области...

Со смертью Шекльтона исчез один из замечательных полярных исследователей, отличавшийся своим энтузиазмом и своей решительностью. Готовый ко всякой случайности, он быстро принимал решения, при чем замечательно то, что всегда выбирал правильный путь, никогда не теряя энергии ни в борьбе со льдами, ни при кораблекрушении, ни перед страшной угрозой голодной смерти.

Капитан Скотт и его товарищи.

Шекльтону не удалось достигнуть южного полюса. Это сделали после него два других полярных путешественника: норвежец Амудсен и англичанин Скотт.

Амудсен дошел до полюса раньше Скотта и благополучно вернулся обратно. Капитан Скотт, путешествие которого было исключительно трудным, погиб на обратном пути, вместе со своими товарищами.

Экспедиция, отправленная на поиски, нашла спустя восемь месяцев палатку и в ней три замерзших трупа. Это были: капитан Скотт, Уильсон и Бауэрс. Двое других товарищей Скотта, Эванс и Отс умерли по дороге.

Уильсон и Бауэрс лежали в спальных мешках, по обыкновению, надвинутых на голову. Капитан Скотт, очевидно, умер последним. Верхнее платье на его груди было раскрыто и отвороты мешка сброшены. Одна рука его лежала на теле Уильсона. Под плечами у него нашли сумку с тремя записными книжками и письма к разным лицам. Кроме того, там же находилось его послание к публике, в котором он объяснял причины бедствия, постигшего их, исключительно дурной погодой, которая свирепствовала все время... «На обратном пути нам не выдался ни один хороший день,—говорит он в своем послании.—Я утверждаю, что все сделанные нами распоряжения вполне отвечали требованиям, но никто в мире в это время года не мог бы ожидать такого страшного холода и такой трудно проходимой поверхности

льда! Ночью температура понижалась до 47°, при непрерывном ветре. Все это было совершенной неожиданностью, и причиной нашей гибели, несомненно, является это внезапное наступление жестоких морозов, которому я не могу найти удовлетворительного объяснения... Последним ударом, завершившим наши бедствия, была метель, застигшая нас в одиннадцати милях от того склада, где мы рассчитывали найти топливо и запасы для остального пути. Мы застряли на этом небольшом расстоянии от нашего «Однотонного лагеря», имея запас пищи всего на два дня, а топлива на один день! Мы не могли выйти из палатки четыре дня. Кругом нас воев вьюга. Мы ослабели. Писать трудно, но я все-таки не жалею об этом путешествии. Оно указывает, что англичане и теперь, как и в прошлое время, способны переносить труды и лишения, помогать друг другу, как в былые времена... Пусть эту повесть о мужестве, выносливости и отваге моих товарищей расскажут мои черновые наброски и наши мертвые тела!..»

Путешествие капитана Скотта исключительно по драматизму и действительно указывает, каким громадным запасом мужества и энергии обладали он и его товарищи, чтобы бороться до конца с ополчившимися на них силами природы. Цель была достигнута, хотя и с опозданием, но эти мужественные люди заплатили за нее жизнью.

Капитан Скотт вел дневник, в котором аккуратно, изо дня в день, до самой минуты смерти, записывал все и, читая эти записи, можно проследить все его путешествие с самого начала и вплоть до трагического конца, когда слабеющей рукой он выводил последние строки.

Капитан Скотт.

ла! Ночью температура понижалась до -47° , при непрерывном ветре. Все это было совершенной неожиданностью, и причиной нашей гибели, несомненно, является это внезапное наступление жестоких морозов, которому я не могу найти удовлетворительного объяснения... Последним ударом, завершившим нашу бедствия, была метель, застигшая нас в одиннадцать миль от того склада, рассчитывали найти топливо и запасы пищи.

ГЛАВА I.

Благоприятные предзнаменования. — Вид нагруженного судна. — Бедные животные. — Жизнь на корабле. — Пловучие льды. — Рождество на корабле. — Пингвины. — Жизнь подо льдом.

Путешествие началось при благоприятных предзнаменованиях. Капитан Скотт закончил в Новой Зеландии, в ноябре 1910 года, все свои приготовления, и его судно «Терра Нова» вышло в море 29 ноября. Свой дневник он начал писать с 1 декабря.

Описывая вид судна, нагруженного всем необходимым для такого путешествия, он говорит:

«Внизу, насколько мы могли ухитриться, все было плотно заставлено и упаковано... Пятнадцать лошадей стоят рядышком, лицом к лицу, семь с одной стороны и восемь с другой, а по середине помещаются конюхи. И все качается, качается непрерывно, повинувшись неправильному, ныряющему движению судна... Какая пытка для бедных животных выносить это день за днем, по целым неделям!..»

«Собак всего тридцать три. Их нам по неволе приходится держать на цепи. Насколько возможно, они пользуются прикрытием, но положение их весьма незавидно. Волны беспрестанно ударяют о борт судна и рассыпаются дождем холодных брызг. Собаки сидят, повернувшись спиной к борту, но на них обрушивается холодный душ, и вода струей сбегает с них. Жалко смотреть на них, они ежатся от холода и вся их поза выражает страдание. Иногда бедняжки даже взвизгивают, и вообще вся эта группа животных представляет очень унылую, печальную картину.

В кают-компании (общей каюте) было тесно, и все едва умещались за столом. На судне было 24 офицера, но обыкновенно двое или трое отсутствовали, потому что стояли на вахте.

Пища была простая, но питательная. «Удивительно, — восклицает Скотт, — как наши два буфетчика умудряются сделать всю работу во-время, и посуду вымыть, и каюты убрать, и при этом они всегда готовы услужить каждому и неизменно веселы и приветливы».

Морская болезнь, конечно, давала себя чувствовать. Но большинство команды состояло из бывалых моряков, уже привыкших к ней. Больше всех, повидимому, страдал от нее фотограф Понтин. Тем не менее он не прекращал работы, хотя и должен был неоднократно нагибаться к борту. Пластинки он проявлял, держа в одной руке ванну, где промывал их, а в другой — таз, на случай припадка морской болезни.

2 декабря был день тяжелых испытаний, свирепствовал сильный шторм и волны заливали палубу. В такие минуты приходилось цепляться руками за что попало, чтобы не быть унесенным за борт. Буря не унималась весь день и всю ночь. Опасность возрастала, потому что засорились насосы в машинном отделении, и вода поднялась выше люков. Старший кочегар Лешли, стоя по самую шею в бурлящей воде, упорно работал, стараясь прочистить насосы, но ничто не помогало, тяжело нагруженное судно сидело глубоко и могло погрузиться в воду сверх меры, а это было очень опасно. Все, стоя почти по пояс в воде, работали день и ночь, вычерпывая воду. Офицеры и команда не теряли, однако, бодрости и даже пели за своей работой. Ночью утонула собака и околела лошадь. Волной иногда уносит собаку и ее удерживает только цепь. Но в таких случаях собаке грозит удушение, если не подоспелет помощь. Одну из них так и не могли спасти, — она задохлась.

Другую волна унесла с такой силой, что цепь порвалась и собака исчезла за бортом. Но следующая волна каким-то чудом принесла ее обратно и бросила на палубу. Собака эта осталась жива и здорова.

На другой день буря прекратилась, и можно было привести в известность ущерб, который она причинила. Погибли две лошади и одна собака и, кроме повреждения бортов судна, волнами унесло 10 тонн угля, много керосина и ящик спирта для научных препаратов.

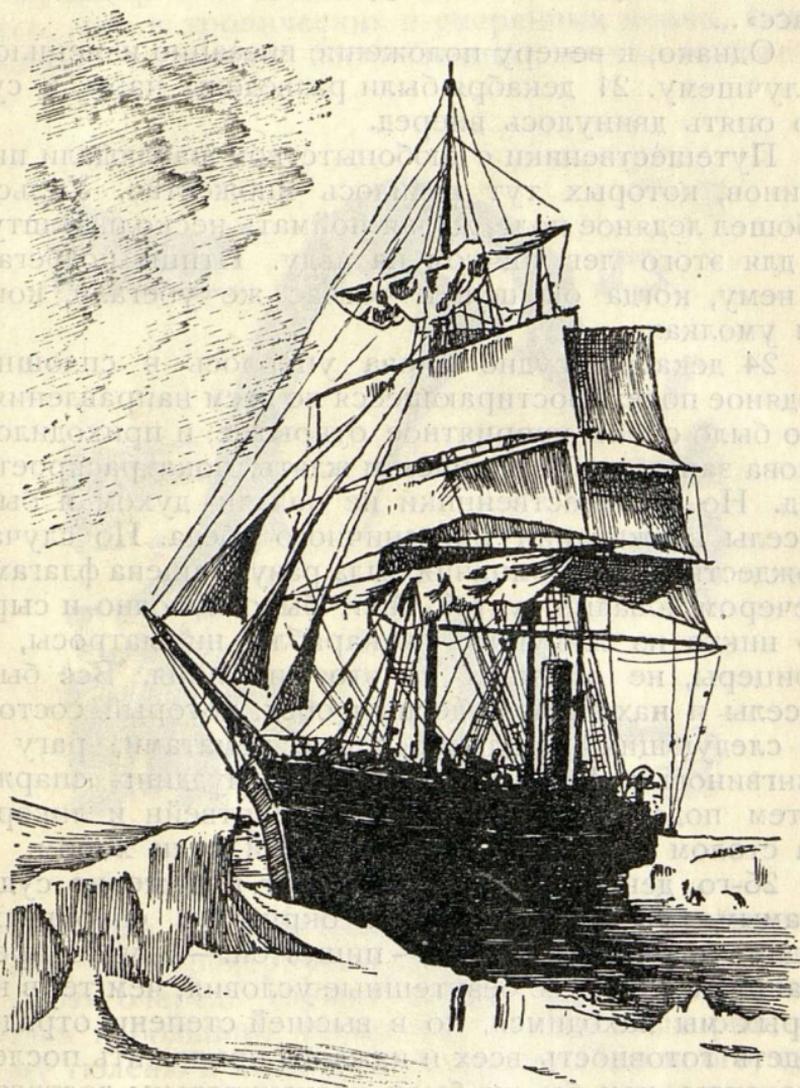
Погода исправилась, но пострадавшие во время шторма лошади причинили Скотту большое беспокойство. «Сомневаюсь, чтобы они могли вынести еще такую бурю, не оправившись совершенно,—замечает Скотт. —Декабрь в море Росса, где мы находимся, должен быть хорошим месяцем и всегда был таковым, но все же надо быть готовым ко всему, и я очень беспокоюсь за наших животных».

Девятого декабря, в шесть часов утра, показались ледяные горы и сплошные пловучие льды. Скотт не ожидал встретить такой лед раньше 66-го градуса широты. Зато качка прекратилась, и все почувствовали облегчение после недавних бурных дней. Но этот лед грозил задержать плавание. Действительно, лед становился плотнее, и казалось невозможно было пробиться через него. Однако, перемены наступали постоянно.

«Я почти всю ночь не ложился,—пишет Скотт 13 декабря.—Никогда я не испытывал таких быстрых и резких перемен, которые страшно действуют на нервы. Ничто так не утомляет, как эта необходимость постоянно приспособляться к постоянно меняющимся условиям. Один час все как будто хорошо, в следующий же — положение снова кажется безвыходным. Просто не знаешь на что решиться»!..

17 декабря положение еще ухудшилось. «Мы попали, повидимому, в самую середину страшно толстых, скрученных ледяных масс, простиравшихся во

все стороны, насколько можно видеть,—пишет Скотт.
—Положение со всех сторон крайне опасное. По-
пали мы в эти толстейшие массы льда в час попо-
лудни и пробились через такие чудовищные громады,

„Терра Нова“ во льдах.

какие мне редко случалось видеть. Выдвинутые давлением льдов гряды возвышались на 24 фута над поверхностью и наверно погружались не менее, чем на 30 футов в глубину. Наносимые нам удары свидетельствуют о несокрушимости этих ледяных масс»...

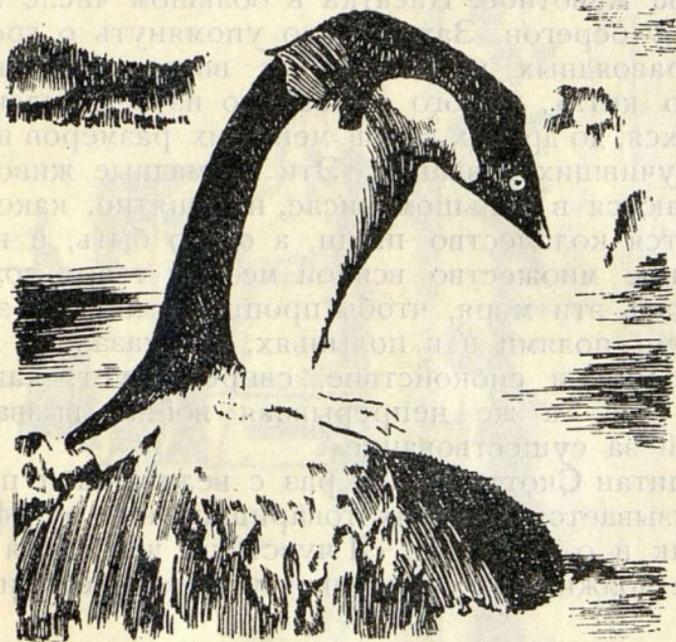
Однако, к вечеру положение внезапно изменилось к лучшему. 21 декабря были разведены пары, и судно опять двинулось вперед.

Путешественники с любопытством наблюдали пингвинов, которых тут водилось множество. Уильсон обошел ледяное поле, желая поймать несколько штук, и для этого лег ничком на льду. Птицы подбегали к нему, когда он пел, и тотчас же убегали, когда он умолкал.

24 декабря судно снова уперлось в сплошное ледяное поле, простирающееся по всем направлениям; это было очень неприятное открытие, и приходилось снова запастись терпением и ждать, пока раскроется лед. Но путешественники не падали духом и были веселы в ожидании праздничного обеда. По случаю рождества кают-компания была разукрашена флагами. Вечером повалил густой снег, было холодно и сыро, но никто из живущих на корабле, ни матросы, ни офицеры, не обращал на это внимания. Все были веселы и находили чудесным обед, который состоял из следующих кушаний: суп с томатами, рагу из пингвиновых филе, ростбиф, плум-пуддинг, спаржа, затем подавалось шампанское, портвейн и ликеры. За столом сидели до 12-ти часов и пели хором.

26-го декабря Скотт называет положение судна «самым безотрадным». «Мы окружены сплошными льдами огромного объема,— пишет он.—Трудно представить себе более безутешные условия, чем те, в которых мы находимся, но в высшей степени отраднo видеть готовность всех и каждого приложить последние силы, как бы ни были незначительны достигаемые результаты».

«С трудом верится, какая жизнь кишит непосредственно под поверхностью льдов! — восклицает Скотт. — Опущенный в воду невод мгновенно наполняется диатомами (водорослями) и ясно указывает, что пловучая растительная жизнь во много раз богаче здесь, чем в тропических и умеренных морях. Водорослями питаются бесчисленные массы креветок,

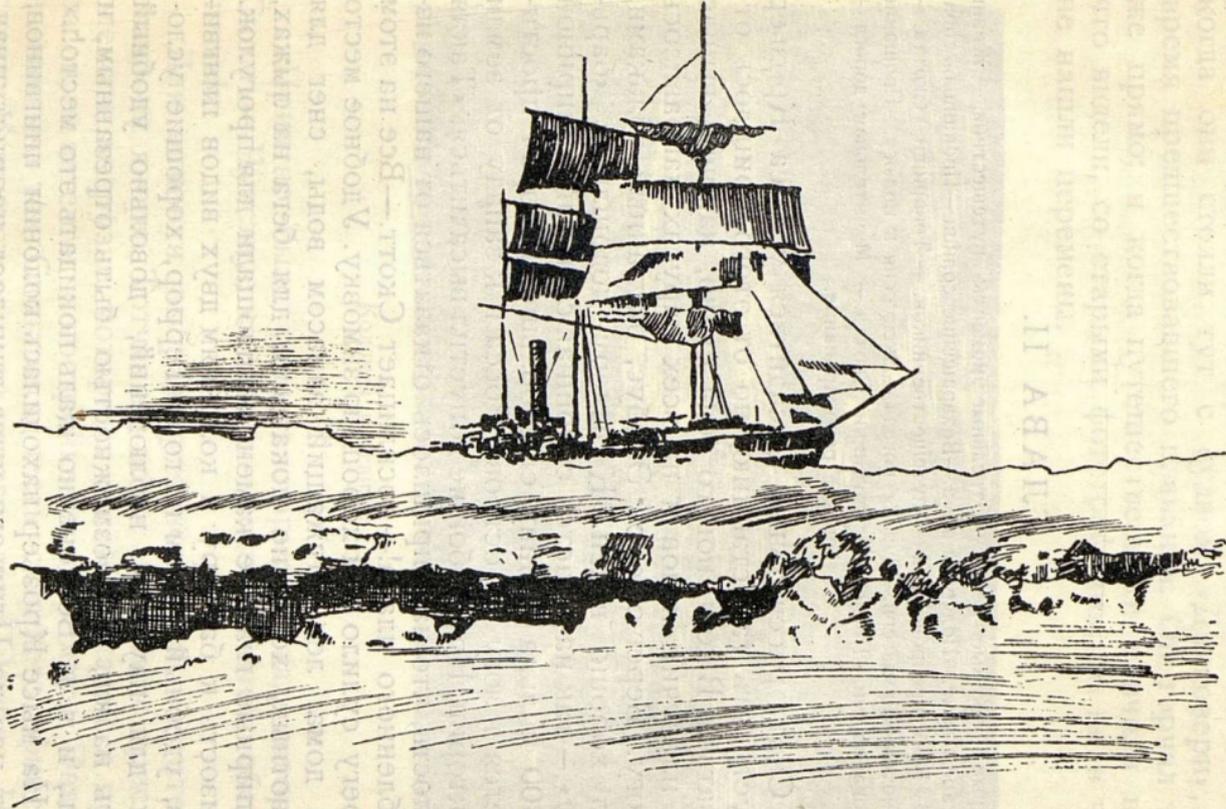

Пингвин.

плавающих у краёв каждой льдины и выплескивающих на перевернутые обломки льда. Эти креветки в свою очередь служат пищей другим созданиям, малым и большим, множеству неизвестных рыб, белому тюленю и птицам. Рыб чрезвычайно много, судя по тому количеству, которое мы изловили на перевернутой льдине, и по тому, что видели наши ма-

тросы. Они уверяют, что видели полдюжины рыб, если не больше, длиной по крайней мере с целый фут, которые уплыли под лед. Из млекопитающих нередко встречается вооруженный страшными зубами длинный гибкий морской леопард, в желудке которого, наверное, содержится несколько пингвинов, а может быть и маленький тюлень. Встречается также «касатка», ненасытное и свирепое китообразное животное, которое пожирает всякое другое не слишком большое животное. Касатка в большом числе попадает у берегов. Затем, надо упомянуть о громадных травоядных китах разных видов, начиная от «синего кита», самого огромного из всех млекопитающих, до других китов меньших размеров и еще не получивших названий. Эти громадные животные встречаются в большом числе, и, понятно, какое им требуется количество пищи, а стало быть, и какое несметное множество всякой мелкой твари должны содержать эти моря, чтобы пропитать их. Под этими ледяными полями и в полыньях, где казалось, царствуют мир и спокойствие, свирепствует, как мы видим, все та же непрерывная война, вызванная борьбой за существование».

Капитан Скотт каждый раз с величайшей похвалой отзывается о своих товарищах, как об офицерах, так и о матросах. «Я чувствую, что такая поддержка должна нам обеспечить успех», — говорит он.

Канал во льдах.

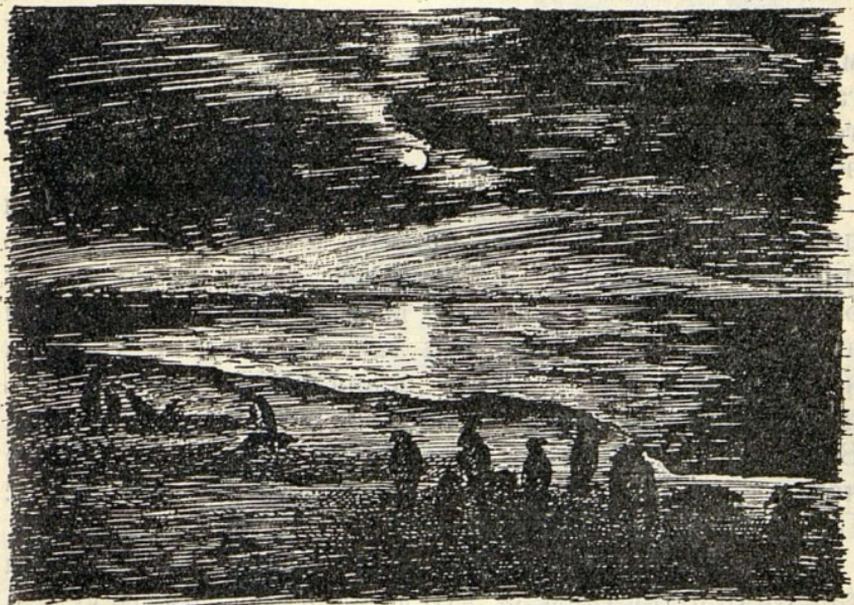
ГЛАВА II.

Старые знакомые места.—Отдельные моменты путешествия.— Жизнь в старом доме.—Полярная зима.—Возвращение солнца.—Пропавшая собака.— Времяпрепровождение путешественников.— Товарищи Скотта.— «Однотонный» лагерь.—Дурная погода.—Экскурсия к полюсу.—Прощание с товарищами.—Последние спутники Скотта.— Мучительная дорога.— Горькое разочарование.

Скотт рассчитывал высадиться у мыса Крозьер и устроить там станцию, но от этого пришлось отказаться. В день нового года судно, наконец, вышло из пловучих льдов и на всех парусах направилось к югу. Берег с горой Эребус, окутанный облаками, был хорошо виден. К вечеру подошли к «барьеру»,—так называется сплошная стена льда шириной в 400 миль, а в длину еще больше, которая простирается к югу от острова Росса и к западу от земли Виктории. Но прибой не допустил высадиться. «Такая жалость, что нам пришлось отказаться от нашего излюбленного плана!—воскликает Скотт.—Все на этом берегу сулило нам хорошую зимовку. Удобное место для дома, лед служащий запасом воды, снег для животных, хорошие покатоности для бега на лыжах, обширные гладкие каменные площади для прогулок. Близость к барьеру и колониям двух видов пингвинов, удобный под'ем на гору Террор, хорошие условия для научных наблюдений, довольно удобный путь на юг, с невозможностью быть отрезанным, и т. д., и т. д. Бесконечно жаль покидать это место!..»

На мысе Крозьер находилась колония пингвинов, и от нее до Птичьего мыса тянулась неприступная,

окованная льдом береговая линия. Обходя этот мыс, путешественники открывали знакомые места. Они увидели старый сигнальный шест, поставленный ими, когда они стояли тут с судном «Дисковери», во время предшествовавшего плавания. Он торчал так же прямо; и когда путешественники сличили все, что видели, со старыми фотографиями, то ни в чем не нашли перемены.

Колония пингвинов.

«Приятно было увидеть старые места,—говорит Скотт.— Чувствуется что-то родное в этой обстановке!»

Для зимовки выбрали удобное место в бухте и стали на якоря. Тотчас же после этого было приступлено к выгрузке моторных саней, лошадей и припасов, а затем и к постройке дома у мыса Эванс, названного так Скоттом в честь старшего офицера судна. Мыс этот один из отрогов горы Эребус. Над

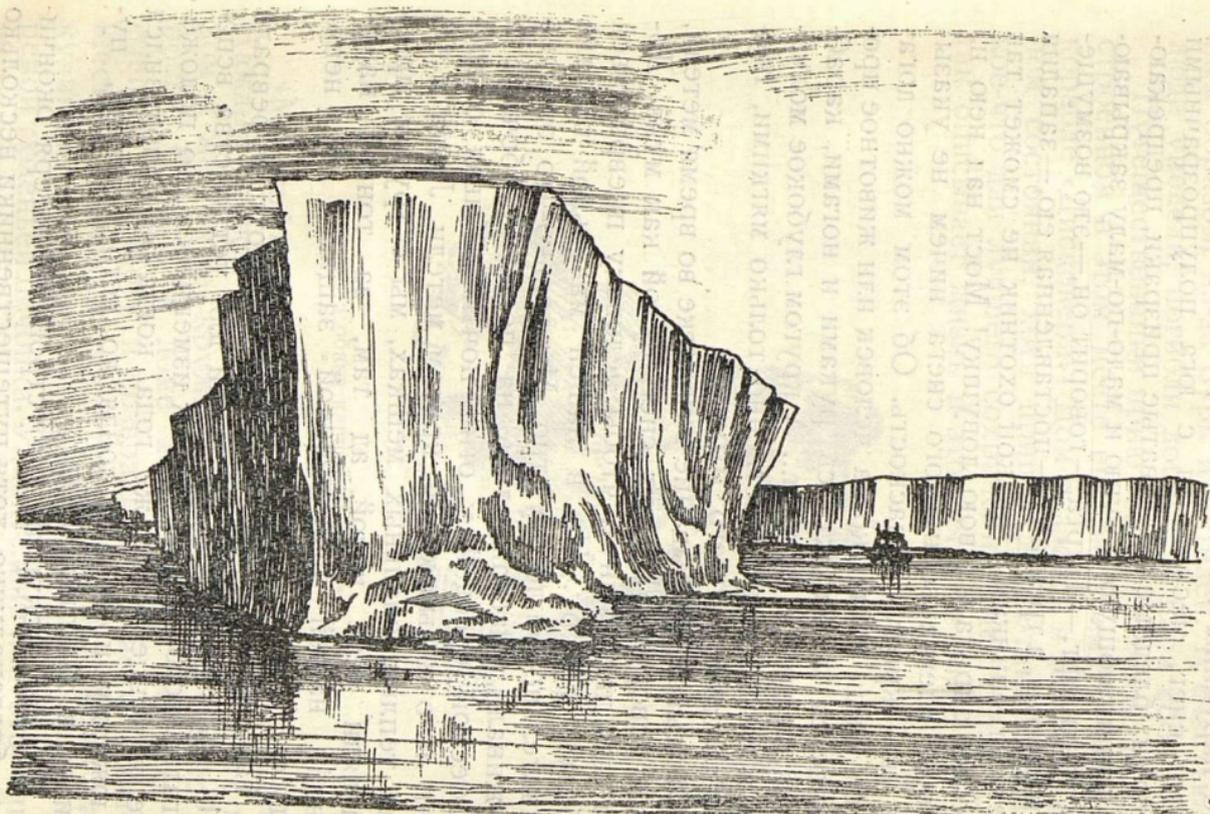
ним возвышается ее величественная, покрытая снегом и дымящаяся вершина. Огромные глетчеры спускаются по нижним уступам горы и высокой голубой стеной врезаются в море, синяя поверхность которого усеяна сверкающими ледяными горами и огромными пловучими льдинами. Дальше возвышаются красивые западные горы, со своими многочисленными острыми пиками, крутизнами и глубокими обледенелыми долинами.

— Дивный горный ландшафт, подобных которому мало на свете! — восклицает капитан Скотт. — Все складывается благоприятно для нашей экспедиции, если только нам удастся перевезти наши припасы и провести лошадей мимо Глетчерной косы.

— Сегодня, за обедом, — пишет он дальше, — нам подавали котлеты из тюленьего мяса, до того вкусно приготовленные, что невозможно было отличить их от самых лучших говяжьих котлет. Двум товарищам я выдал их за говяжьи, и так как они не сделали никаких замечаний, то я сознался в обмане лишь после того, как они съели каждый по две котлеты. В первый раз я ем тюленье мясо, не замечая его неприятного вкуса. Вот что значит приготовление! Повар у нас превосходный.

Действительно, казалось, экспедиция Скотта была так хорошо обставлена, что должна была иметь успех. Со всеми возникавшими затруднениями справлялись довольно удачно, хотя изменчивость льда доставляла им много хлопот. Немало возни было с лошадьми при переправах и перевозке грузов. Лошади проваливались очень глубоко и не раз подвергались серьезной опасности.

Скотт перечисляет следующим образом отдельные моменты путешествия по льду, особенно ярко запечатлевшиеся в его памяти. Это были соблазнительная теплота спального мешка; шипение походной печки и пар, поднимающийся от кушаний; контраст между маленькой зеленой палаткой, в которой при-

„Терра Нова“ в пути.

ютились путешественники, и необозримой белой пустыней, погруженной в вечное безмолвие; глухое гудение парусины палатки во время сильного ветра и метели; снег, несущийся с юга полупрозрачными столбами; бледные желтоватые призраки, предрекающие надвигающуюся бурю и мало-по-малу закрывающие ландшафт.— Пурга, — говорит он, — это возмущение природы, а трещина, — поставленная ею, — западня путешественникам! Никакой охотник не сможет так искусно спрятать свою ловушку! Мост над нею из легкого, слегка волнистого снега ничем не указывает на скрытую опасность. Об этом можно догадаться лишь тогда, когда человек или животное проваливается и, барахтаясь руками и ногами, карабкается, цепляясь за края... А кругом глубокое молчание, прерываемое единственно только мягкими, глухими шагами идущего отряда.

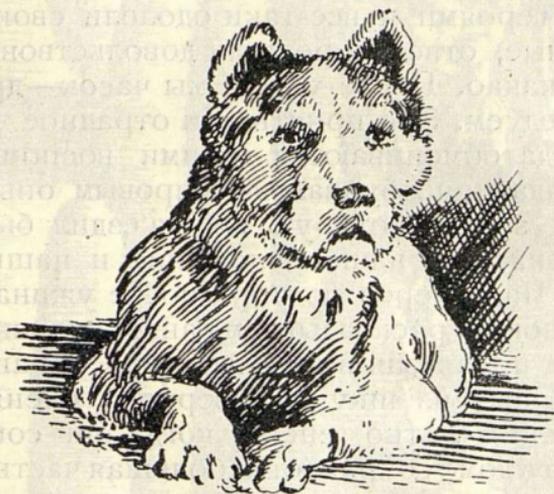
Описывая пребывание в палатке во время метели, Скотт говорит: «Крутит снег, сухой как мука. Достаточно двух минут, чтобы человеку превратиться в белую фигуру. Но в нашей маленькой палатке удивительно тепло и уютно. Мы только-что отлично поужинали, наслаждались на покое трубочкой и дружеской беседой у огня, почти забывая о времени и о завывающей кругом метели. Лежа в наших теплых спальнях мешках, мы с трудом представляли себе какой ад там, за тонкой парусиной, нашей единственной защитой от непогоды!»

Так писал в своем дневнике Скотт в феврале 1911 года, во время экскурсии для устройства вспомогательного лагеря. Но как изменилось его положение в конце этого же года, когда он приблизился к южному полюсу и, дойдя до него в январе, пустился в обратный путь!

Первая экскурсия для устройства лагеря окончилась благополучно, хотя путешественники несколько раз подвергались большой опасности из-за изменчи-

восте льда, внезапно отрывающегося от берега, трещин, куда проваливались люди и животные и, главным образом, из-за бурь и метелей. К счастью, все люди уцелели, погибли лошади и пара собак.

Путешественники приютились в старом доме, построенном в этом месте еще во время плавания на корабле «Дисковери». Дом оказался в довольно сносном состоянии, хотя пришлось все-таки исправить кое-что для лучшего сохранения в нем тепла. Скотт так описывает жизнь в этом старом доме:

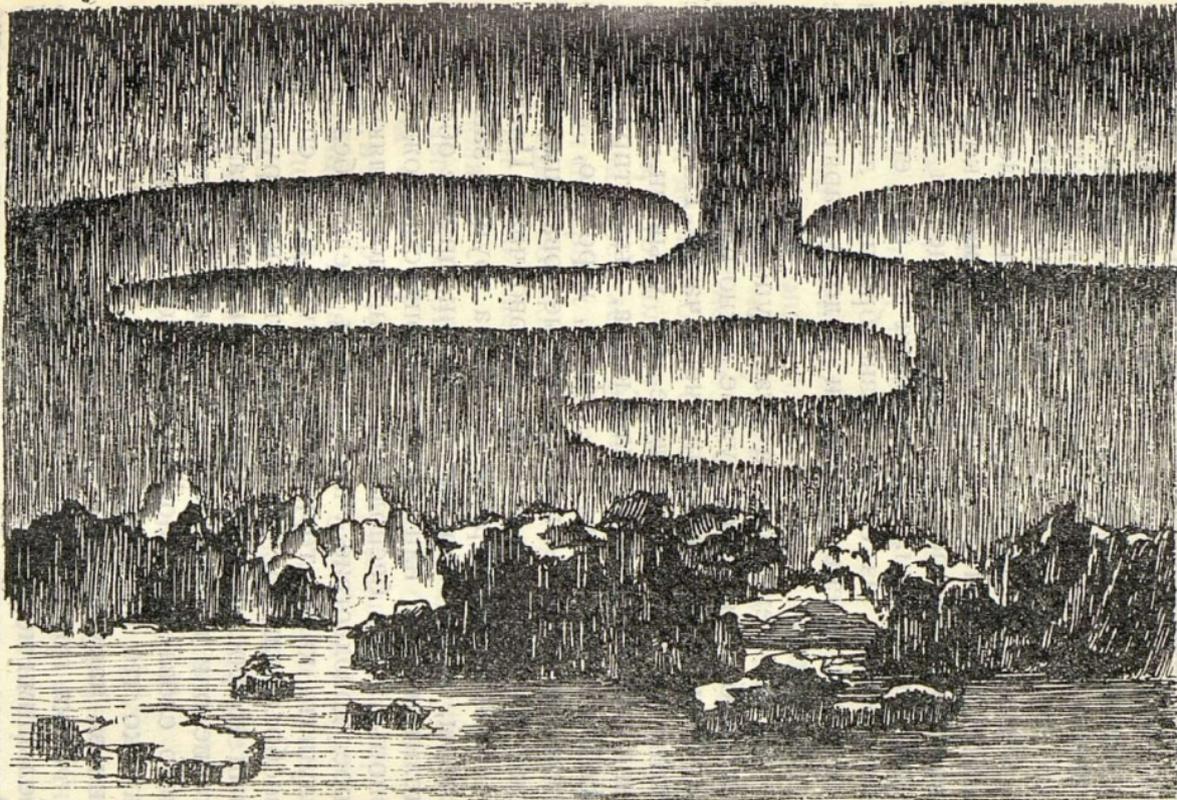
Собака капитана Скотта.

«Мы собираемся вокруг огня, сидя на ящиках. Каждый держит в руках большой кусок хлеба с маслом и жестяную кружку с чаем: тепло, уютно, хорошо! Однако, в доме мы остаемся недолго. Мы спешим на работу и возвращаемся часам к пяти—шести с изрядным аппетитом. А в это время наши кулинары хлопочут над приготовлением вкусной жареной тюленьей печонки. Удивительно как это блюдо не надоедает нам, и каждый вечер мы расхваливаем его. Впрочем, один раз оно оказалось неудачным.

Уильсон, всегда проявлявший большую изобретательность в деле приготовления разных кушаний, едва не погубил свою репутацию. Он вздумал жарить тюленью печенку в пингиновом жире, уверяя, что этот жир можно лишить его неприятного вкуса. Достали жир, тщательно перетопили его. Получился прозрачный, чистый и лишенный всякого запаха жир. Но наружность, как известно, бывает обманчива, и наше кушанье оказалось пропитанным тем особым ароматом, которым отличается мясо этой птицы и о котором лучше не распространяться. Трое из нас оказались героями и все-таки одолели свои порции, но остальные, отведав, решили довольствоваться сухарями с какао. После ужина мы часок—другой курим и беседуем. Это приятное и отрадное для души время, когда обмениваются своими воспоминаниями люди, обладающие буквально мировым опытом. Нет почти той земли, которую не из'ездил бы тот или другой из нас, но наше положение и наши занятия различны. Часа через полтора после ужина мы удаляемся на покой, раскладываем наши спальные мешки, разуваемся и, залезая в них, нежимся. В наших мешках, сделанных из шкуры северного оленя, удивительно тепло и уютно теперь, когда они совершенно просохли, а в доме сохраняется большая часть теплоты. Благодаря удачному приспособлению ламп и порядочному запасу свечей, мы имеем возможность почитать еще часик или два, плотно закутанные в наши меха».

В доме была найдена кипа смерзшихся иллюстрированных журналов. Когда они оттаяли, то доставили много интересного чтения.

После трехмесячного отсутствия, Скотт с товарищами вернулся на зимнюю стоянку у мыса Эванс. «Как приятно было очутиться в теплом сухом доме, который показался нам верхом роскоши, настоящим дворцом внутри! Простор, чудное освещение, всякие удобства!—пишет Скотт,—приятно было есть, как едят цивилизованные люди, взять ванну в первый

Полярное сияние.

раз после трех месяцев! Приятно было чувствовать на себе чистое сухое белье и платье! Такие мимолетные часы полного благополучия,—я говорю: мимолетные потому, что привычка скоро притупляет чувство удовольствия,—навсегда остаются в памяти каждого полярного путешественника вследствие резкого контраста с перенесенными лишениями».

Время для санных экскурсий прошло, и пора было приготовиться к полярной зиме. Скотт очень гордился подбором своих товарищей и не может нахвалиться ими. Несмотря на то, что его компания состоит из самых разнообразных людей, они все живут очень дружно и в доме царят веселье и бодрость.

В мае температура стала упорно понижаться, и на небе появилось чудное южно-полярное сияние, но бури свирепствовали очень часто. Начался уже период ночи. Но в доме не унывали. 6 июня, день рождения капитана Скотта, был отпразднован особенно торжественно. «Я бы, вероятно, забыл об этом дне, если бы не мои добрые товарищи,—пишет Скотт.—Все были веселы, разговорчивы. После превосходного обеда разделились на группы, завязались споры, одни говорили о геологии, другие обсуждали политические или военные вопросы; может быть, споры эти и бесполезны, но они доставляют большое удовольствие участвующим. Нельзя без улыбки слушать, каким торжеством звучит голос спорщика, воображающего, что он решил тот или другой спорный вопрос. Молоды они все, они еще мальчишки, но какие они все хорошие! Ни одного сердитого, резкого слова! Все споры кончаются смехом. Нельсон только что предложил Тейлору поучить его геологии за пару носков!»

Зима прошла благополучно, хотя и отличалась большими морозами (-39°) и бурями. Чуть не погиб Аткинсон, который был застигнут метелью не дальше мили от дома, но заблудился и не мог найти обрат-

ного пути. Он сильно отморозил себе руку, в то время как бесцельно бродил кругом, ничего не собирая. Он был на волосок от гибели и едва ли бы спасся, если бы продлилась метель. Он пропал шесть часов, и, наконец, его отыскали, но он, видимо, совершенно растерялся и ничего не мог рассказать толком.

Буря иногда длилась по несколько дней, тогда никто не уходил далеко от дома. Июль кончался, но в августе уже должно было вернуться солнце, и все, естественно, с нетерпением ждали этого времени.

Судя по сравнительным таблицам, установленным путешественниками, лето у южного полюса на 15 градусов холоднее, чем у северного, а зима на три градуса теплее, но это не относится к «барьеру», где холод должен быть сильнее. Скотт пришел к заключению, что больше всего страдают от холода самые младшие члены экспедиции. Наилучший возраст для полярных экспедиций, — это 30—40 лет. Людям старше сорока лет, конечно, приятно думать, что Пири было уже 52 года, когда он достиг северного полюса.

15 августа Скотт в первый раз писал уже при дневном свете. 23 августа должно было появиться солнце, и все приготовились к торжественной встрече. Но солнца не видали, потому что буря продолжалась, и поднялась сильная метель. Ничего нельзя было разглядеть уже за несколько шагов. И вот, наконец, 26 августа солнце позолотило ледяное поле. Какое это было наслаждение видеть снова яркий солнечный свет, который заливал все. Все точно помолодели, пели и кричали «ура». Кругом все сверкало, и все испытывали прилив необыкновенной бодрости. Какое чудо производят солнечные лучи! Дурная погода становится уже не так страшна. Ведь если сегодня свирепствует буря, то завтра, может быть, проглянет солнце, и опять все будет

хорошо! Осенью же и зимой такой надежды на быструю перемену не может быть.

13 июля, в самое темное время, исчезла одна из лучших собак по прозвищу «Жулик». О Жулике все жалели, думая, что его либо загрызли другие собаки либо он провалился в трещину. Каково же было удивление, когда ровно через месяц после этого два путешественника, возвращаясь из своей экскурсии, увидели собаку, бегущую к ним. Она бросилась к ним и прыгала вокруг них, не помня себя от радости. Они узнали Жулика, сильно исхудавшего. Морда у него была в запекшейся крови, и от него несло тюленьим жиром. Очевидно, он питался тюленем, которого ему удалось загрызть где-нибудь. Как интересно было бы послушать рассказ о его приключениях, если бы только он мог говорить! Время летело незаметно в подготовке к предстоящей большой экспедиции, и Скотт всякий раз с большим удовольствием отмечает в своем дневнике, что все здоровы, бодры и веселы. Часто устраиваются экскурсии в разные места, бега на лыжах, игра в футбол, а также научно-популярные лекции с демонстрациями, имеющие огромный успех. Каждый из путешественников имеет, что рассказать своим слушателям поучительное и интересное. Развлечением служат также граммофон с огромным запасом пластинок и пианола. Словом, эта первая половина путешествия прошла необыкновенно счастливо, и Скотт имел все основания надеяться на удачу своего предприятия.

Мысль об Амундсене и о том, что он может раньше притти к полюсу, повидимому, часто являлась у Скотта. Он упоминает об этом в своих письмах, но говорит, что давно решил поступать так, как будто Амундсена не существует. «Мой план был бы расстроен, если бы я пустился в перегонку с ним,—прибавляет Скотт,—к тому же мы, как будто, не затем и пришли сюда! Боюсь только, что через

это наша экспедиция много потеряет в глазах публики, но к этому нужно быть готовым. Как ни как ведь важно то, что будет сделано, а не людская хвала!»

О своих спутниках Скотт так отзывается в своих письмах:

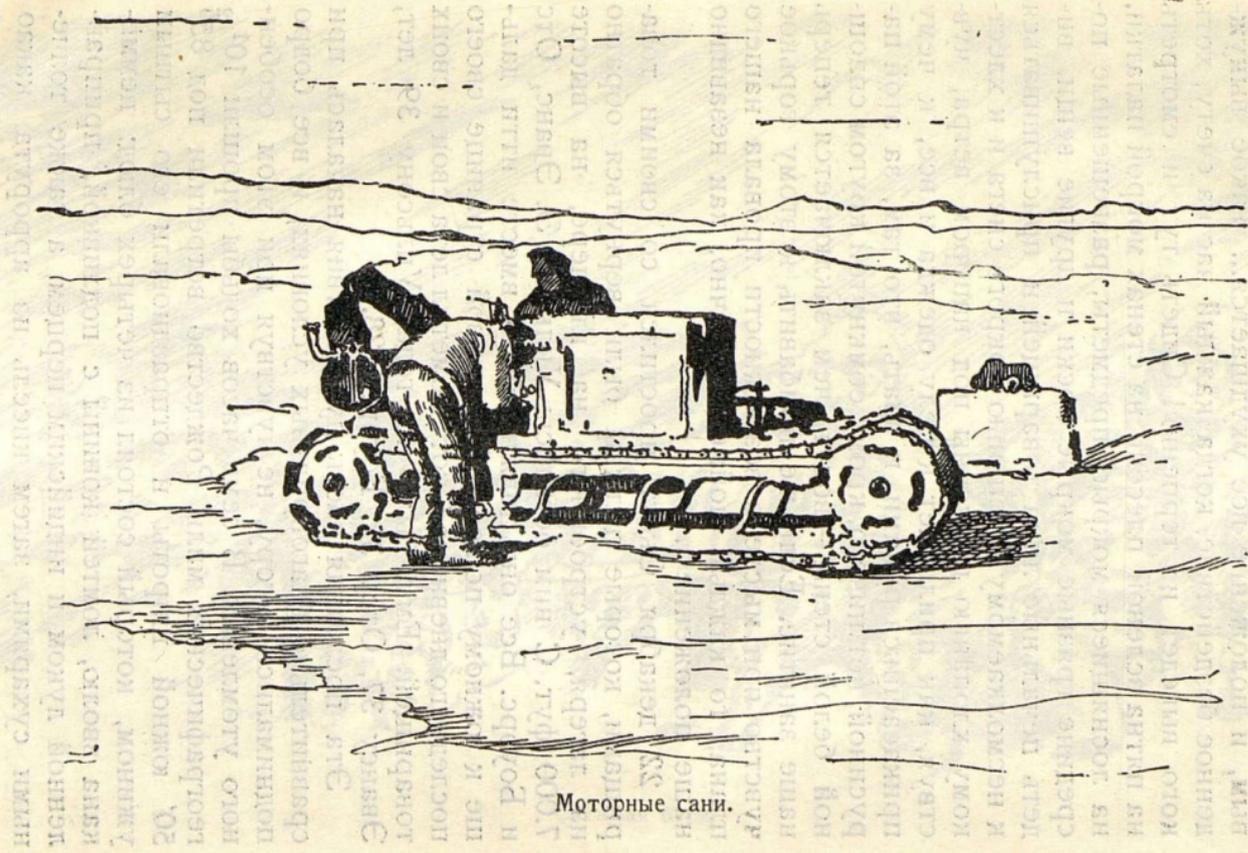
«Изучение отдельных характеров в таком смешанном обществе, безусловно, прекрасных людей доставляет мне приятное развлечение. Нет ничего увлекательнее изучения взаимных отношений и взаимодействия среди людей самого различного воспитания и самого разнообразного личного опыта, которые, несмотря на это, все же остаются в полном смысле товарищами. Шутки между ними не прекращаются, и они никогда не обижаются друг на друга, хотя и касаются в разговоре таких тем, которые могли бы считаться щекотливыми между простыми людьми. Отс, например, ротмистр шикарного драгунского полка, вечно подтрунивает над Австралией, ее народом и ее учреждениями, а наши австралийцы, в отместку, нападают на закоренелые предрассудки британской армии. И я не разу не видал, чтобы в этих спорах сорвалось у кого-нибудь сердитое или обидное слово. И я смотрю на них и не нарадуюсь! Мне кажется, что трудно было бы еще улучшить нашу организацию. У каждого своя работа, к которой он специально подготовлен и приспособлен. Нет ни пробела ни в чем ни излишка. Все именно так, как должно быть»...

Весной было сделано несколько экскурсий для устройства на разных расстояниях и в разных местах лагерей с припасами ввиду предстоящей большой экспедиции к южному полюсу. Один из таких лагерей назван «Однотонным» потому, что там был устроен склад припасов в одну тонну весом. Много раз метель задерживала экскурсантов, а также разные неприятные приключения с людьми, лошадьми и моторными саними, которые часто ломались и во-

обще оказались малопригодными. Но в общем все сошло благополучно.

Особенно много хлопот и неприятностей доставляли путешественникам сильные метели. Скотт говорит: «Эти метели были величайшей неожиданностью. Таких метелей здесь никто из путешественников не испытывал в летнее время. Надеюсь впрочем, что мы с ними покончили. В своем дневнике о путешествии Шекльтона Уайльд пишет 13 декабря, что за весь месяц он в этот день в первый раз не может отметить великолепную погоду. У нас же, наоборот, хороший день был до сих пор исключением. Однако, мы все-таки не потеряли ни одного дня. Мы все стали есть конину, убивая лошадей, которые уже не могли везти груз, и питаемся так хорошо, что о голоде никто не помышляет. Я теперь стал поваром»...

Но погода продолжала преследовать путешественников. Вот, что пишет в своем дневнике Скотт от 7 декабря: «Метель продолжается. Положение становится серьезным. Корма для лошадей, после сегодняшнего дня, остается всего на один день, так что завтра надо или тронуться в путь или пожертвовать лошадьми... Хуже всего то, что мы сегодня уже попользовались частью той провизии, которая предназначалась для склада на глетчере. Но буря, повидимому, не собирается утихать. Не вижу признака конца, и все согласны со мной, что нельзя двинуться с места. Нельзя не признать незаслуженным такое несчастье! Планы были составлены так тщательно, и принятые меры уже отчасти увенчались успехом, так что если бы нужно было начинать сначала, то я, право, не вижу, что можно было бы в них изменить. Были широко приняты в расчет возможные полосы дурной погоды сообразно с пережитым опытом. Декабрь здесь ведь лучший из всех месяцев в году, и даже самый осторожный организатор не мог бы предвидеть такого декабря!

Моторные сани.

Ужасно лежать здесь в спальном мешке и думать об этом, в то время как небо остается сплошь свинцовым, и положение все ухудшается... Такое вынужденное бездействие, когда каждый час на счету, хоть кого выведет из терпения! Сидеть тут и смотреть на пятна зеленой плесени на стенах мокрой палатки, на лоснящиеся мокрые предметы, развешенные посредине грязные мокрые носки и другие вещи, видеть печальные лица товарищей и прислушиваться к несмолкаемому шлепанью мокрого снега и к хлесткому хлопанию парусины под напором ветра, чувствуя, как прилипает к телу одежда и все, к чему прикасаешься руками, и знать, что там, за этой парусиной, нет ничего, кроме сомкнутой кругом сплошной белой стены,— вот в чем заключается теперь наше занятие. Если же прибавить к этому горькое чувство при мысли о возможности провала нашего плана, то каждый поймет, конечно, как незавидно наше положение»..

22 декабря Скотт простился со своими товарищами, которые должны были вернуться обратно из лагеря, устроенного на глетчере, на высоте 7.000 фут. С ним остались: Уильсон, Э. Эванс, Отс и Боуэрс. Все они должны были вместе идти дальше к южному полюсу. На первой странице своего последнего дневника Скотт пометил лета свои и своих товарищей. Ему было 43 года, Уильсону 39 лет, Эвансу 37, Отсу 32, Боуэрсу 28.

Эта последняя часть путешествия началась при сравнительно благоприятных условиях, и все бодро поднимались в гору, не чувствуя при этом особенного утомления. В семь часов ходьбы прошли 10¹/₂ географических миль. Рождество встретили под 85⁰ 50' южной широты и отпраздновали его сытным ужином, который состоял из четырех блюд: пеммикана вволю, ломтей конины с подливкой, приправленной луком и индийским перцем, а также толчеными сухарями, затем кисель из аррорута, какао

Снежная буря.

и неизменный плум-пудинг, опять какао с изюмом, а на десерт карамели и вареный в сахаре имбирь. «После такого пира трудно было пошевелиться! — говорит Скотт. — Мы все великолепно спали и основательно согрелись. Вот что значит наесться досыта!...»

3 января путешественники остановились лагерь на высоте 10.180 фут.; до полюса оставалось 150 миль. Здесь они распростились с последними четырьмя спутниками, которых Скотт отправил домой. Он написал в дневнике: «Они огорчены, но покоряются и не ропщут. Дальше мы отправимся уже впятером. Пищи у нас имеется на месяц для пяти человек, — этого должно хватить. Нам хорошо идти на лыжах, но те, на своих ногах, не поспевали за нами, поэтому мы подвигались медленнее. Покидающие нас товарищи утром 4 января проводили нас еще некоторое расстояние, на случай, если бы что-нибудь случилось. Но как только я убедился, что у нас все пойдет хорошо, мы остановились и стали прощаться. Один из них даже расплакался, прощаясь с нами»...

О своих последних спутниках Скотт пишет следующее:

„Я не нахваляюсь своими товарищами. Каждый исполняет свой долг по отношению к другим: Уильсон заботится прежде всего, как врач, чтобы облегчать и исцелять наши недомогания и боли, неизбежные при нашей работе. Затем он, как искусный и заботливый повар, вечно придумывает что-нибудь, что может скрасить нашу лагерную жизнь. Он крепкий, как сталь в работе, и не ослабевает от начала до самого конца каждого перехода.

„Эванс — работник-богатырь, одаренный замечательной головой. Я только теперь уясняю себе, как много мы ему обязаны.

„Маленький Боуэрс удивительно мил! Он во всем находит наслаждение. Я предоставил ему заведывание

продовольствием, и он всегда в точности знает, сколько у нас чего и сколько следует выдавать. Ни-

Кап. Скотт на лыжах.

когда он не сделал ни одной ошибки! Сверх заведывания припасами, он ведет еще обстоятельнейший и добросовестнейший метеорологический журнал,

а теперь он, ко всему этому, еще взял на себя обязанность фотографа и астрономические наблюдения. Ничем он не тяготится, никакой работой. Трудно заманить его в палатку. О холоде он как будто забывает и, лежа в своем мешке, пишет или разрабатывает свои наблюдения, когда другие уже давным давно спят.

„Отс был незаменим при уходе за лошадьми. Теперь он неутомим на ногах, прекрасно исполняет свою долю лагерной работы и не хуже всех нас переносит труды и лишения. Я и без него не хотел бы обходиться здесь. Лучшего подбора людей и не придумаешь, и тут каждый приспособлен к своей работе“.

В среду, 10 января, до полюса оставалось уже только 85 миль, но идти было трудно вследствие чрезвычайно плохой и неровной поверхности льда— „заструг“. На этом месте путешественники навалили груды камней,—то, что называется в полярной области „кэрны“ (cairn—по-английски надгробный камень), и оставили припасов на неделю, да еще кое-какую одежду.

11 января достигли высоты 10.530 фут. Но путь был мучительный донельзя. „До полюса остается всего 74 мили, но выдержим ли мы это мучение еще семь дней?—пишет Скотт.—Мы в конец изнемогаем. Из нас еще никто никогда не испытывал такой каторги. Мы все же имеем шансы на успех, только бы нам осилить работу, но мы переживаем ужасные дни!

„12 января. Ночуем сегодня всего в 63 милях от полюса. Должны дойти до него! Но, ах! если бы только поверхность была лучше!.. Мы, кажется, слегка спускаемся. Заструги такие же, как и раньше; как скучно так надрываться, чтобы сдвинуть с места совсем легкие сани! Но мы все-таки подвигаемся.. В воздухе какая-то муть. Солнце едва светит с пасмурного неба, и при таком освещении трудно различить направление. До полюса осталось меньше 40 миль.

„15 января. Мы устроили последний склад. Высота здесь 9.950 фут. Поверхность ужасающая, но

мы все-таки прошли шесть миль в четыре часа и три четверти. В нашем последнем складе мы оставляем провизию на четыре дня и кое-какую мелочь. Наш груз теперь очень легок... Странно представить себе, что два больших перехода должны привести нас к полюсу! Дело, теперь можно сказать, верное. Боуэрс продолжает свои наблюдения. Удивительно, как он их разрабатывает, лежа в своем спальном мешке в нашей тесной палатке. Всего 27 миль до полюса! Теперь уже должны дойти!"

Вторник 16 января. Путешественники остановились на высоте 9.760 фуг. Мороз был 23 с половиной градуса. С утра шли бодро и прошли $7\frac{1}{2}$ миль. После завтрака собрались в дальнейший путь в самом радужном настроении от мысли, что завтра будет достигнута цель. Вдруг, около второго часа, Боуэрс своими зоркими глазами разглядел вдали какой-то темный предмет, который сначала принял за „кэрн“. Он встревожился, но затем решил, что это, должно быть заструга. Через полчаса он уже разглядел впереди какую-то черную точку, и когда путешественники подошли ближе, то оказалось, что это был флаг, привязанный к полозьям саней и поблизости — остатки лагеря, следы саней, лыж, расходящиеся в разные стороны и ясные следы множества собачьих лап.

„Сбылись наши худшие опасения! — восклицает Скотт. — Другие опередили нас! Вся история, как на ладони, — они первые достигли полюса. Ужасное разочарование, и мне больно за своих товарищей. Много чего мы передумали и о многом переговорили. Завтра надо идти дальше, к полюсу, и затем спешить домой с наивозможной скоростью.“

„Среда 17 января 1911 года. Температура утром—22°, ночью—21°. Полюс! Да, мы его достигли, но совсем уже при иных условиях! Мы пережили ужасный день. К нашему огорчению прибавился еще сильный противный ветер, и мои товарищи шли через силу с холодными руками и ногами. Горькое

разочарование мешало нам спать, и мы выступили утром, в половине восьмого. В воздухе чувствуется странная холодная влажность, пронизывающая в одну минуту до костей. В остальном очень мало перемены против ужасного однообразия последних дней. Что это за ужасное место! Как тяжело сознавать, что за все наши труды мы даже не вознаграждены столь ожидаемым торжеством! Конечно, много значит уже и то, что мы вообще сюда дошли... Мы все-таки устроили пир в честь полюса и испытываем теперь приятное ощущение. Уильсон дал каждому из нас по палочке шоколада и по папиросе. Это было прибавлением к нашему обычному меню“.

Лагерь в двух градусах от полюса.

Наблюдения указали, однако, что Скотт и его спутники ушли на одну милю за полюс и три мили в сторону от него, направо. В этом направлении они увидели палатку, поставленную на расстоянии полуторы мили от полюса. В палатке была оставлена записка, уведомляющая, что там были пять норвежцев, с Роальдом Амундсеном во главе. Это было 16 декабря 1910 года, значит, почти за месяц до прихода Скотта.

Палатка была небольшая, но плотная и удерживалась бамбуковым шестом. Там же находилась еще другая записка, адресованная Амундсеном Скотту, с просьбой доставить его письмо королю Норвегии Гакону.

Скотт тоже оставил в палатке записку, извещавшую, что он был здесь с товарищами. Боуэрс снял с нее фотографию, а Уильсон сделал с нее рисунок.

„Мы воздвигли столб из камней и водрузили на нем наш бедный, обиженный флаг, — прибавляет Скотт. — Это было нелегко сделать на таком морозе... Я думаю, что полюс лежит на высоте 9.500 фут. Это замечательно потому, что на 88-й параллели мы находились уже на высоте 10.500 фут. Мы снесли флаг, прикрепленный к шесту, и поставили его по возможности близко к месту, где должен находиться полюс.

„И вот, мы повернулись спиной к цели наших мечтаний! Перед нами лежали 800 миль, которые мы должны пройти пешком, с грузом и разочарованием в душе“...

„Прощайте, радужные грезы!“..

ГЛАВА III.

Обратный путь.—Угнетенное настроение.— Постоянная дурная погода.— Голодание.—Болезнь Эванса и его смерть.— Ужасное путешествие.— Отчаянное положение.—Гибель Отса.—Приближение конца.

Можно представить себе, с каким тяжелым чувством Скотт и его товарищи возвращались обратно. Победив такие невероятные затруднения и все же достигнув полюса, они даже не могли радоваться своей победе, потому что она явилась запоздалой почти на целый месяц! Все их усилия не доставили им успеха, и это действовало удручающим образом на их нравственное состояние, вызывало угнетенное настроение и ослабляло энергию и бодрость, что, в связи с упорной дурной погодой и чрезвычайными трудностями пути, явилось, пожалуй, одной из главных причин рокового конца экспедиции, казавшейся так хорошо.

„Сыпучий снег несется с места на место, как песок,—пишет Скотт.—Погода странная. Снежные тучи, очень мрачные, заслоняют свет и осыпают нас крошечными кристаллами. Эти мелкие кристаллы портят поверхность дороги, и поэтому бывает очень тяжело тащить сани, несмотря на легкий груз и парус, надуваемый ветром. Наши старые следы местами заносит глубоким снегом, и над ними образуются острые заступы... Мы чувствуем холод и усталость, и боюсь, что Отс ощущает это больше всех нас. Главное теперь—поддержать равномерную скорость. Я надеюсь, что это нам удастся, и мы поспеем на

корабль... Тяжело тащить сани с горы, а в гору везти их будет, вероятно, еще тяжелее...

В метель же мы не решаемся идти из боязни потерять свои следы. До следующего склада остается 45 миль, а провизии имеется у нас на шесть дней. В этом складе мы найдем запас провизии на неделю, а до следующего большого склада надо будет идти 90 миль. Но если мы туда дойдем, то можем более или менее успокоиться. А все-таки осторожность не мешает. Надо, чтобы всегда оставалось пищи про запас, по крайней мере, дня на два. Боюсь также, что будет нелегко разобрать следы, если их засыплет снегом. Не знаю, как об'яснить такое плохое состояние наших следов, когда прошло всего только три дня, между тем, как следы норвежской экспедиции, как мы это видели, сохранились в течение целого месяца!..."

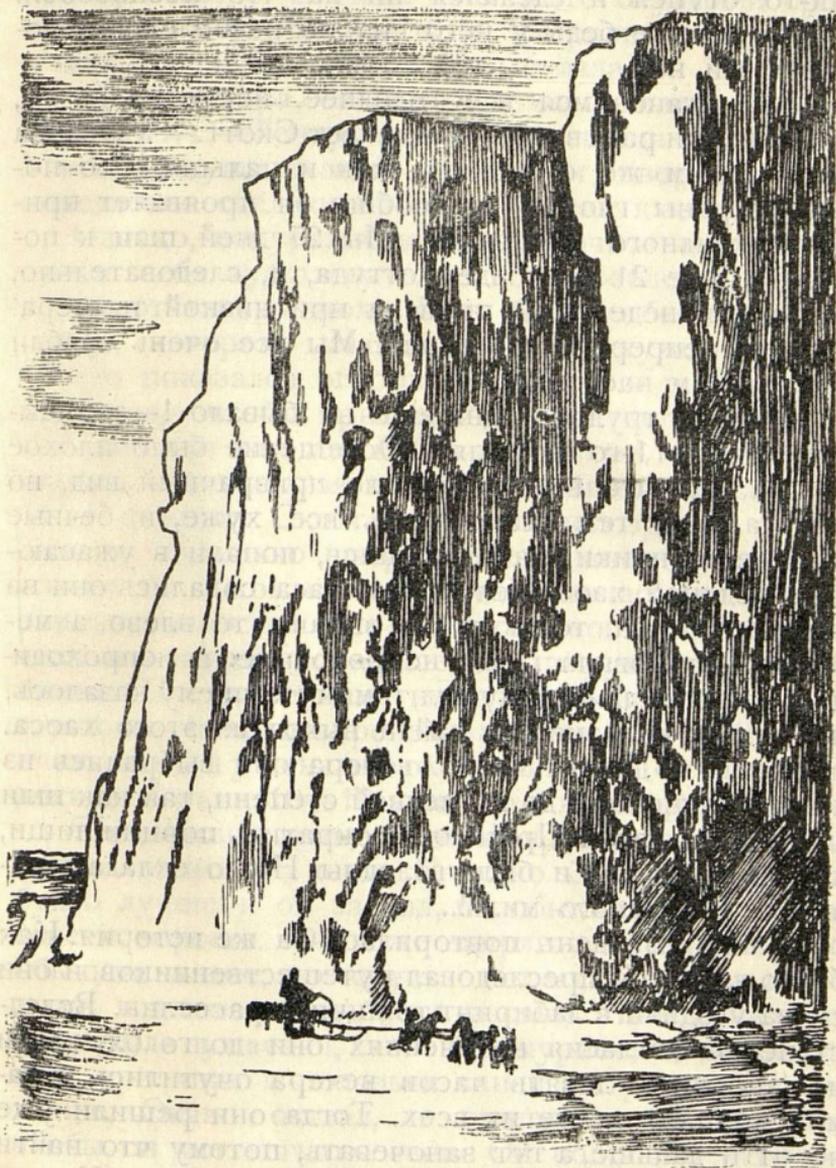
Один из товарищей Скотта, Эванс, скоро начал обнаруживать признаки сильного изнурения. Он отморозил себе нос, и пальцы у него покрылись пузырями. Вид у него стал понурый, он сильно хандрил и боялся за себя, что уже было нехорошим признаком. Отс жаловался на то, что у него зябнут ноги.

Скотт и его товарищи выступили в обратный путь 19 января, а 24 января Скотт писал: „Опять здоровая вьюга. Пришлось залезть в спальные мешки. Разглядеть следы невозможно, так что пришлось волей-неволей остановиться. Чорт знает, как тудно онемевшими от холода пальцами ставить палатку! До склада всего семь миль, и я был уверен, что мы дойдем до него к вечеру. Не тут-то было! Это вторая буря с того дня, как мы покинули полюс. Не нравится мне это! Неужели это уже означает поворот к осени? Если так, то это очень плохо. Впереди у нас ужасный переход по вершинам при скудной пище. Только Уильсон и Боуэрс составляют мою единственную опору. Не нравится мне, что Отс и Эванс так легко подвергаются действию мороза“!...

На другой день путешественники, к своей великой радости, все же нашли склад. Буря продолжала свирепствовать, но вдруг показалось солнце, и это дало им возможность разглядеть старые следы. Они долго возились, откапывая на морозе и ветру сани и снимая палатку, но все же пустились в путь в 11 часов и в третьем часу, к счастью, увидели, наконец, красный флаг склада. Закусив и захватив провизии на девять с половиной дней, они двинулись дальше. До следующего склада оставалось 89 миль. Но не все было благополучно. У Отса жестоко зябла одна нога, а Уильсон жаловался на боль в глазах. Только Скотт да Боуэрс еще держались бодро. Погода не устанавливалась, и Скотт очень опасался, что заладят метели, обычные в это время года. Эти бури и метели были настоящим страшилищем для путешественников.

„Мы постепенно становимся голоднее, — говорит Скотт. — Не худо бы побольше пищи, особенно ко второму завтраку. Если доберемся в несколько переходов до второго склада, — до него осталось 60 миль, — то можно будет позволить себе поесть немного больше. Но все-таки нельзя будет сытно поесть до тех пор, пока мы не дойдем до того склада, где у нас положен запас конины. А туда еще далеко, и впереди невероятно трудный путь!... Мы порядком исхудали, особенно Эванс, но пока еще не чувствуем изнурения. Мы гораздо больше прежнего говорим о еде и рады будем вдоволь наесться“.

В довершение беды Уильсон повредил себе ногу, и она у него распухла, а Эванс отшиб себе два ногтя, что было плохо, потому что руки у него вообще сильно болели. По словам Скотта, Эванс стал не похож на себя с тех пор, как повредил себе руку и начал малодушничать. Вообще дело с руками у него было плохо, и это очень беспокоило Скотта. Когда, наконец, дошли до глетчера, то двигаться стало еще труднее. Эванс два раза проваливался

Край глетчера.

в трещину, что очень дурно отразилось на его общем состоянии. Вследствие полученного сотрясения, он как-то отупел и сделался ни на что неспособен. В довершение беды у него сильно разболелся отможенный нос.

«Мы становимся все голоднее, несмотря на то, что едим три раза в день,—замечает Скотт.— У Эванса нос в таком же состоянии, как и пальцы. Его порезы и раны гноятся, и вообще он проявляет признаки сильного изнурения. Мы 27 дней шли к полюсу и уже 21 день идем оттуда, и, следовательно, почти три недели мы провели при низкой температуре и непрерывном ветре... Мы все очень озябли и в унылом настроении»...

«Такого трудного дня еще не бывало»!—записывает Скотт 11-го февраля.— Освещение было плохое с утра, так что все принимало призрачный вид, но чем дальше, тем становилось все хуже, и бедные путешественники, заблудившись, попали в ужасающий ледяной хаос. Целых три часа совались они на лыжах то туда, то сюда, то вправо, то влево, а местность становилась все непроходимее и непроходимее! Скотт сильно приуныл, и минутами ему казалось, что почти невозможно найти выход из этого хаоса. Наконец, к девяти часам вечера они выбрались из него, измученные до последней степени, так как шли двенадцать часов. Пришлось сократить порции пищи, хотя все устали и были голодны. Но до склада оставалось еще много миль!..

На другой день повторилась та же история. Как будто злой рок преследовал путешественников, и они снова угодили в лабиринт трещин и расселин. Вследствие разногласия во мнениях они долго блуждали и, наконец, в девять часов вечера очутились в самом худшем месте из всех. Тогда они решили уже не идти дальше, а тут заночевать, потому что найти при таких условиях склад было немыслимо. Утром, на следующий день они выпили чаю и с'ели каждый

по одному сухарю, оставляя пеммикан на случай крайней нужды. Но в этот день им все-таки улыбнулось счастье: сначала они долго блуждали среди ледяных глыб, но, наконец, выбрались на дорогу, и вдруг Уильсон увидел флаг склада.

«Словно гора свалилась у нас с плеч!—восклицает Скотт.—Теперь у нас была пища на $3\frac{1}{2}$ дня. У всех на душе отлегло. Нужно ли говорить, что мы немедленно сделали привал и поели как следует»!..

Однако, изнурение и недостаточное питание уже давали себя чувствовать, и Скотт сознается, что все работают теперь плохо. Всех больше беспокоил его Эванс, которому становилось все хуже. На ноге у него показался огромный пузырь, и пришлось задержаться, чтобы приспособить для него обувь. Он был голоден так же, как и остальные, но увеличить порции было нельзя, скорее надо было сократить их. 16-го февраля Скотт высказал подозрение, что у Эванса несколько помрачилось. В самом деле, он стал совсем не похож на себя! Куда девалась его обычная самоуверенность? «Все еще может кончиться хорошо, если мы завтра, пораньше, достигнем склада,—прибавляет Скотт.—Но иметь при себе больного поневоле страшно. Не надо, впрочем, забегать вперед. Мы спим очень мало, и у меня нет охоты писать. До склада осталось не больше 10—12 миль, но погода против нас»...

Следующий день, 17-го февраля, был действительно ужасным днем. Сначала Эвансу было как будто лучше, и он заявил, по обыкновению, что ему совсем хорошо. Он даже запрягся в сани на своем обычном месте, но спустя полчаса потерял как-то лыжи и должен был бросить сани. Поверхность дороги была ужасная, небо пасмурное, и выпавший снег прилипал к полозьям саней, затрудняя их движение; Эванс отстал, и пришлось остановиться, чтобы он мог догнать сани. Он попросил у Бозерса кусок веревки, и когда Скотт стал уговаривать его поторопиться, то он даже довольно весело ответил

ему. Но спустя некоторое время снова отстал. Заметив, что он остался далеко позади, Скотт сделал привал, чтобы дождаться его. Сначала никто не беспокоился. Заварили чай и позавтракали. Но Эванс не являлся, и тогда все встревожились не на шутку. Они увидели его в большом отдалении и тотчас же побежали к нему все вчетвером на лыжах. Скотт дошел первый и не мало испугался, увидев его. Эванс стоял на коленях, одежда была у него в беспорядке, руки обнаженные и обмороженные, а глаза совсем дикие. Когда стали спрашивать, что с ним случилось, то он отвечал, запинаясь, что не знает сам, но думает, что с ним был обморок. Его подняли на ноги, но через каждые два—три шага он снова падал. У него были все признаки полного изнеможения сил. Уильсон, Боуэрс и Скотт побежали назад за санями, а Отс остался возле него. Когда они вернулись, то Эванс уже был почти без сознания. В таком виде его привезли в палатку, и днем он тихо скончался.

Скотт высказывает предположение, что он начал слабеть еще тогда, когда они подходили к полюсу. Его состояние быстро ухудшалось от страданий, причиняемых ему обмороженными пальцами, от частых падений на глетчере, пока он совершенно не утратил всякую бодрость и веру в свои силы. Уильсон же думал, что во время одного из падений он получил сотрясение мозга. Ужасно было так потерять товарища, но в каком отчаянном положении находились бы они, имея на руках больного!

Весь этот ужасно тяжелый путь они постоянно переходили от уныния к надежде. Когда они достигали какого-нибудь склада и могли подкрепить себя пищей, то к ним возвращалась бодрость. Дорога была попрежнему ужасна, и погода не благоприятствовала путешественникам. Скотт не без тревоги подумывал о том, что предстоит им дальше в виду позднего времени года. Осень быстро надвигалась,

а сил для борьбы со всеми невзгодами становилось все меньше и меньше.

Задержки на пути происходили часто вследствие трудности находить следы. В одном из складов оказалось мало керосина, и это было очень печально, так как в топливе уже ощущался недостаток. Да и пищи хотя и хватало, но нужно было бы больше. «У нас почти все разговоры о еде, и только поевши, мы о ней на время забываем, — говорит Скотт. — Положение наше критическое. Может случиться, что даже в следующем складе мы найдем все, что нужно и опасность будет устранена, но нас все время мучают тяжелые сомнения...»

1-го марта ночь была чрезвычайно холодная. Мороз 41 с половиной градусов. Холодно было подниматься и пускаться в путь, но зато как день, так и ночь были безоблачны. 2-го марта достигли одного склада, но там претерпели разочарование: запас масла оказался очень скудным. При самой строжайшей бережливости его едва могло бы хватить до следующего склада, до которого оставалось еще 71 миля. У Отса сильно разболелись пальцы на ногах вследствие ужасных холодов. А главное, скоро были потеряны следы и пришлось идти наугад. «Положение наше очень опасное, писал Скотт. — Не подлежит сомнению, что мы не в состоянии совершать экстренные переходы и что мы нестерпимо страдаем от холода.. Что если нам не выдержать этой каторги! Когда мы вместе, то мы бодримся и стараемся выказать веселость, но что чувствует каждый из нас про себя, об этом можно только догадываться!.. До следующего склада около 42 миль. Провизии у нас есть на неделю, но топлива не более, как на три—четыре дня. Положение ужасное, но никто из нас еще не падает духом, по крайней мере мы все притворяемся спокойными, но сердце замирает каждый раз, когда сани застревают на какой-нибудь заструге, за которой густой кучей нанесен снег, и они

не двигаются с места!.. Боюсь наступления больших холодов. Трудно будет Отсу перенести это. Ни откуда мы больше не можем ожидать никакой помощи, разве только в виде прибавления к нашей пище из запасов, оставленных в следующем складе. Но будет плохо, если мы и там найдем так же мало топлива. Да и дойдем ли мы до него? Не знаю, что было бы со мной, если бы Боуэрс и Уильсон не старались смотреть на все с лучшей стороны!»..

Из этих строк уже видно, что Скоттом начало овладевать уныние. Отсу становилось хуже. Одна нога у него страшно распухла и он сильно хромал. Ложились спать, поужинав чашкой какао и замороженным, чуть подогретым пеммиканом, а утром выпивали чай с таким же пеммиканом, стараясь уверить себя, что пеммикан «в таком виде еще вкуснее!»

До склада еще остаются два больших перехода, — пишет Скотт на одной остановке, — а топливо у нас уже на исходе! Бедный Отс вконец измучен, а мы ничем не можем ему помочь. Может быть, его силы поддержала бы горячая пища, еслибы ее было вдоволь. Но боюсь, что и этого было бы недостаточно. Никто из нас не ожидал таких страшных холодов, и больше всех страдает от них Уильсон, пожалуй, главным образом, вследствие самоотверженной преданности, с которой он ухаживает за ногами своего товарища. Мы не в состоянии помогать друг другу. Каждому довольно заботы о самом себе. Мы теперь мерзнем на ходу, когда дорога трудная и ветер насквозь пронизывает нашу изношенную одежду. Но товарищи мои бодрятся, когда мы залезаем в свою палатку. Мы поставили себе задачей довести эту игру до конца, не падая духом, но все-таки тяжело так надирать свои силы в течение долгих часов и все-таки сознавать, что еле-еле подвигаешься вперед! Мы только твердим: «только бы добраться до склада» и плетемся через силу, страдая от холода и чувствуя

себя вообще отвратительно, хотя и сохраняя наружное спокойствие. В палатке мы болтаем о всякой всячине, но стараемся не говорить о еде с тех пор, как решили восстановить полные п рции. Такое решение рискованно, но мы положительно не в состоянии голодать в такое время...

Бедный Отс уже не в состоянии тащить сани. Он сидит на санях, в то время как мы разыскиваем следы. Но его терпение изумительно. Он никогда не жалуется, хотя ноги причиняют адскую боль. Но он уже редко оживляется, даже в палатке, и вообще стал более молчалив... Если бы мы все были в нормальном состоянии, то я бы мог еще надеяться выпутаться как-нибудь. Но бедный Отс страшно связывает нас, хотя и делает все возможное и старается храбриться. Но он, видимо, очень страдает, и одна нога у него в совершенно безнадежном состоянии. Однако, в палатке мы все еще продолжаем разговаривать о том, что будем вместе делать дома!

Последующие записки в дневнике Скотта становятся безнадежнее с каждым днем. «Все хуже и хуже! — говорит он. Левая нога Отса ни в каком случае не дотянет. Сколько уходит времени на обувание и какое мучение, просто ужас! У Уильсона тоже с ногами дело неладно, но это, главным образом, от того, что он так много помогает другим. Главный вопрос для нас: что найдем мы в складе? Если и там окажется мало топлива, боюсь, что наше положение окажется очень скверное»...

Через день после этого 10-го марта, Скотт написал, что Отсу стало хуже. «Он обладает редкой силой духа, — говорит Скотт. — Бедняга ведь должен знать, что ему не выжить! Сегодня утром он спросил Уильсона об этом. Уильсон, разумеется, отвечал уклончиво. На самом же деле нет никакой надежды. Но и без него вряд ли мы сможем пробиться. Погода против нас. Наши вещи все больше леденеют, все труднее их делать годными к употреблению!

И, конечно, самой большой обузой для нас является теперь бедный Отс. Утром его приходится ждать до тех пор, пока почти совершенно истощится согревающее действие хорошего завтрака. А между тем, следовало бы тотчас же пускаться в путь. Жалость берет смотреть на него, и мы всячески стараемся подбодрить его... Мы достигли склада вчера. Хорошего мало! Недостаток во всем. Кто тут виноват — не знаю! Утро было тихое, но потом началась метель, и мы вынуждены были остановиться и поставить палатку. Мы провели день в холоде, а кругом бушевала вьюга...»

На другой день небо было заложено, но несчастные путешественники все-таки пустились в путь. Однако, скоро потеряли следы, потому что ничего не было видно, и долго бродили наугад.

«Отс, видимо, близится к концу,— пишет в этот день Скотт. — Что нам делать? Мы совместно обсуждали этот вопрос после завтрака. Отс благородный мужественный человек. Он понимает положение, но все-таки просил у нас совета. Что же мы могли сказать ему? Мы могли только уговаривать его итти, пока хватит сил. Под конец нашего совещания я просто-на-просто приказал Уильсону дать нам средство покончить с нашими страданиями. Уильсон должен был повиноваться, иначе мы взломали бы его аптечку... Провизии у нас остается на семь дней, а до однотонного лагеря надо пройти 55 миль. Между тем осень быстро надвигается. Мороз жестокий, и мы, несомненно, с каждым днем слабеем... Должно быть, близится конец. Температура понизилась до 43°. Никогда я не предполагал, что в это время года могут быть такие морозы и такие ветры! Снаружи палатки один ужас!

«Я потерял счет числам— пишет дальше Скотт.— Кажется сегодня 17-е марта. Жизнь наша— настоящая трагедия. Третьего дня за завтраком бедный Отс об'явил нам, что итти дальше не может, и пред-

ложил нам оставить его, уложив в спальный мешок. Конечно, мы не могли этого сделать и уговорили его все-таки пойти. И он пошел, несмотря на невыносимую боль. Мы прошли несколько миль. К ночи ему стало хуже, и мы все поняли, что это конец! Последние мысли его были о его матери. Он выражал также надежду, что его полк будет доволен мужеством, с каким он встретил смерть. Действительно, он в течение многих недель без жалоб переносил жестокие страдания и до самого конца был в состоянии разговаривать о посторонних предметах, охотно делая это, не позволяя себе подчиняться безнадежному отчаянию. И конец он встретил необычайно мужественно. Он заснул в надежде уже не проснуться утром. Но все-таки проснулся! Снаружи палатки бушевала вьюга. Он сказал нам: «Пойду пройду, может быть, вернусь не скоро!..» Он вышел в метель, и мы больше его не видали... Мы знали, что бедный Отс идет на смерть и отговаривали его, сознавая, однако, в душе, что он поступает, как благородный человек, идя навстречу смерти... Мы все надеемся в таком же духе встретить наш конец, а до конца, несомненно, недалеко...

«Я в состоянии писать только за завтраком, да и то не всегда. Холод убийственный, мороз — сорок градусов. Мои оставшиеся товарищи бесконечно добры. Нам всем грозит опасность отморозить руки, ноги и лицо, и хотя мы все еще продолжаем говорить о благополучном исходе, но не думаю, чтобы кто-нибудь из нас верил в душе в возможность такого исхода!.. Мы мерзнем уже на ходу и все время отогреваемся только за едой».

В довершение несчастья метель не прекращалась. Игги было необычайно трудно. Скотт отморозил себе пальцы на правой ноге. «Достаточно самой малейшей оплошности, чтобы погубить ногу, — говорит он. — Я ее отморозил и даже не заметил. Боуэрс и Уильсон все еще рассчитывают выбраться или

только делают вид,—уж право не знаю! Ноги у нас плохи у всех, но нет возможности надеяться на улучшение, пока нет у нас горячей пищи. Пищи у нас остается на два дня, а топлива еле-ели хватит на один день. Погода же не дает нам пощады...»

Это было написано в понедельник, 19-го марта, за завтраком. Вечером в этот день Скотт и его товарищи кое-как доплелись и остановились в одиннадцати милях от склада. Но во вторник уже нельзя было двинуться из-за свирепой метели. Они весь день пролежали в палатке. Уильсон и Боуэр решили на другой день пойти в склад за топливом, оставив больного Скотта в палатке. Это была последняя надежда, но ей не суждено было сбыться. Метель не унималась и выйти было невозможно. Топливо у них уже все вышло, а пищи оставалось лишь на день или два.

В четверг, 29 марта, Скотт сделал в своем дневнике последнюю запись:

«Непрерывная буря свирепствовала с 21-го числа. Каждый день мы готовы были итти. До склада всего только одиннадцать миль, но нет возможности выйти из палатки, так бушует метель! Снег несет и крутит во все стороны. Не думаю, чтобы мы могли еще на что-нибудь надеяться... Мы выдержим до конца, но конец недалек...

«Жаль, но я не думаю, чтобы я был в состоянии писать еще».

Р. Скотт.

Последняя приписка была следующая:

«Умоляю, не оставьте наших близких!»

В то время, как Скотт и его товарищи умирали в палатке, их ждала у Однотонного лагеря вспомогательная экспедиция, посланная им навстречу согласно уговору. Но метель, свирепствовавшая четыре дня, задержала ее в пути. Экспедиция состояла из

двух человек с собаками. Продав два лишних дня в лагере, экспедиция вернулась обратно, рассчитывая, что Скотт должен непременно притти в лагерь. Итти ему навстречу было рискованно, так как можно было с ним разминуться. С'естных припасов же у экспедиции оставалось лишь столько, сколько могло хватить на возвращение домой, поэтому дальше ждать она не решилась, и как только буря утихла, люди двинулись домой. Вследствие такого рокового стечения обстоятельств Скотт и его товарищи погибли, между тем как помощь была так близка!..

Осень с ее бурными непогодами и морозами не допустила снаряжения другой экспедиции на поиски пропавших путешественников. Волей-неволей пришлось дожидаться весны. И тогда только раскрылась эта ужасная трагедия южного полюса...

Южный полюс, как и северный, также потребовал жертв, прежде чем сдать человека, победоносно ступившему на него ногой. Героическая смерть Скотта доказывает лишний раз, с каким трудом достигается человеком такая победа.

СОДЕРЖАНИЕ.

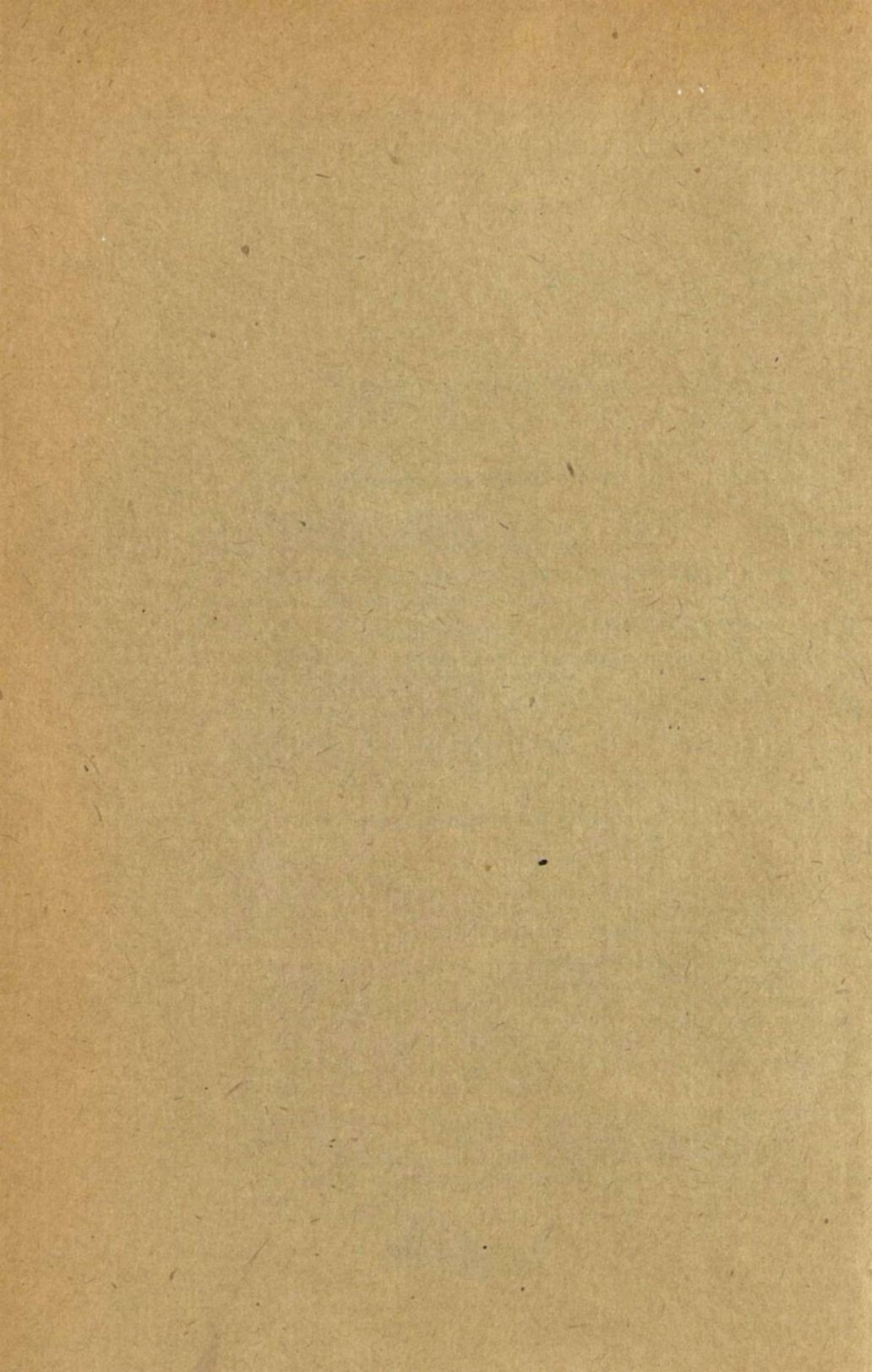
Экспедиция Шекльтона.

	Стр.
Глава I. Снаряжение экспедиции Шекльтона.—Плавание «Ник-рода».—Устройство зимней квартиры	5
» II. Восхождение на вулкан «Эребус».—Первая книга, напечатанная в южно-полярной пустыне	17
» III. Выступление к южному полюсу.—Дневник Шекльтона	31
» IV. Опасности пути.—Рождество в ледяной пустыне.—Самая южная точка, достигнутая людьми	47
» V. Обратный путь.—Научные результаты экспедиции	60
» VI. Биографические сведения.—Третья экспедиция в Антарктику и смерть Шекльтона	76

Экспедиция Скотта.

Введение. Капитан Скотт и его товарищи	85
Глава I. Благоприятные предзнаменования.—Вид нагруженного судна.—Бедные животные.—Жизнь на корабле.—Плавающие льды.—Рождество на корабле.—Жизнь подо льдом	88
» II. Старые знакомые места.—Отдельные моменты путешествия.—Жизнь в старом доме.—Полярная зима.—Возвращение солнца.—Пропавшая собака.—Времяпровождение путешественников.—Товарищи Скотта.—Однотонный лагерь.—Дурная погода.—Экскурсия к полюсу.—Прощание с товарищами.—Последние спутники Скотта.—Мучительная дорога.—Горькое разочарование	96
» III. Обратный путь.—Угнетенное настроение.—Постоянная дурная погода.—Голодание.—Болезнь Эванса и его смерть.—Ужасное путешествие.—Отчаянное положение.—Гибель Отса.—Приближение конца	118

1884

К

Цена 1 р. 10 к., в перепл. 1 р. 50 к.

90

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КНИГА“

ЛЕНИНГРАД, Внутри Гостиного двора, 120, тел. 134-34.
МОСКВА, Тверская, Б. Гнездиковский пер., 10, тел. 264-61.